

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2006

Содержание

1. НЕЗАВИСИМОСТЬ «КУЛЬТУРЫ»
2. ВЛАДЕНИЯ КОРОЛЯ БЕЗЗЕМЕЛЬНОГО
3. РЕДАКТОР
4. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
5. ЕЖИ ГЕДРОЙЦ И «КОНТИНЕНТ»
6. УЛБ, СНГ, ЕС
7. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
8. СТИХОТВОРЕНИЯ
9. СТАНИСЛАВ ГРОХОВЯК — ТРИ ЭПИЗОДА
10. ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА
11. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
12. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
13. “Рецензия и полемика” – конкурс “Новой Польши”

НЕЗАВИСИМОСТЬ «КУЛЬТУРЫ»

1.

Можно сказать, что на пороге послевоенного периода у поляков возникли три главных центра независимой интеллектуальной жизни, важных в исторической перспективе и в более поздние годы успешно продолжавших свою деятельность. Первый действовал на родине и подвергался всем ограничениям, связанным с этим фактом: он был создан краковским «Тыгодником повсехным» под редакцией Ежи Туровича и кругом авторов и читателей этого краковского еженедельника. Два других были созданы в изгнании и формировались вокруг лондонских «Вядомостей» и парижской «Культуры», которую возглавлял Ежи Гедройц. Взаимоотношение и взаимная напряженность, возникавшие в этом треугольнике, еще ждут исследования — особенно важным представляется изучение переписки представителей этих трех кругов, деятельность которых различалась как с тактической точки зрения, так и со стратегической. Одно все-таки, кажется, не подлежит сомнению: все три центра были настроены на спасение суверенности польской политической мысли, все три характеризовались также особым вниманием к культуре, в первую очередь к литературе. Принципиальная разница их позиций вытекала из отношения к общественно-политической действительности в Польше. Лондонские «Вядомости» эту действительность отвергали во имя сохранения своеобразной фикции политической непрерывности Второй Речи Посполитой. «Тыгодник повсехный», в эту действительность погруженный, принял подход, верно определенный в «Моральном трактате» Чеслава Милоша как возможность влиять на «лавины бег» — разумеется, с учетом существующих ограничений. И, наконец, «Культура», живя в условиях, позволяющих полную свободу слова, с самого начала была настроена на диалог со страной, одновременно стремясь наблюдать общественно-политические реалии ПНР. Как для «Тыгодника повсехного», так и для «Культуры» сохранение государственной непрерывности было откровенной утопией, что, кстати, отразилось в прямом заявлении коллектива «Института литерацкого» [«Литературного института, издательства «Культуры»] («Тыгодник повсехный наверное и не мог, и не хотел бы в тогдашних условиях делать подобные заявления) относительно необходимости — когда Польша станет независимой — отказаться от утраченных восточных земель; на страницах «Вядомостей»

такое высказывание было бы невозможным ввиду того, что газета безоговорочно поддерживала линию правительства в изгнании, которое требовало восстановить довоенную восточную границу, одновременно считая принципиальным признание дарованной Польше после войны западной границы.

2.

Фундаментом деятельности «Культуры» было обеспечение ей независимости, в том числе — а может быть, прежде всего — и финансовой. В первый период своего существования журнал бился с немалыми трудностями. Тем не менее с самого начала было очевидно, что в поисках финансовой поддержки нельзя поставить себя в зависимость от каких-либо польских или иностранных политических центров. Комментируя свое отношение к положению, царившему в эмигрантской среде, Гедройц писал в 1949 г писателю Анджею Бобковскому:

«Положение в Лондоне как со стороны президента, так и, громко сказано, партий такое паршивое, что мы на днях собираемся с Юзем [Юзефом Чапским] в Лондон, чтобы сказать им пару слов правды и окончательно расстаться с этим обществом. Понятное дело, это будет расставание фактическое, потому что нет смысла устраивать какие-то расколы, скандалы и т.п. Сведется к тому, что мы перестанем просить у них деньги и получим полное моральное право действовать самостоятельно, руководствуясь только своей совестью и интуицией».

Два года спустя схожий вопрос Гедройц разъяснял в переписке с Ежи Стемповским. Он писал, что «разложение политической эмиграции и сведение всего к борьбе теней за фиктивные звания и посты и за отнюдь не фиктивные остатки денег все больше принуждает нас к самостоятельному ведению политики. Думаю, что попытка сотрудничества с американцами не тождественна превращению в агента, берущего денежки, так же как попытка разговоров с немцами не равнозначна симпатиям к гитлеризму и отказу от Западных земель».

Повторяющиеся кампании «Культуры» за приобретение числа подписчиков, позволяющего выжить; всяческий сбор средств, прежде всего на покупку помещения редакции в Мезон-Лаффите; поиски меценатов, готовых оплатить издание одного номера журнала, — все это составляет увлекательный сюжет в жизни созданного Ежи Гедройцем центра. Несомненно, однако, что несколько раз журнал оказывался в положении, когда планировать номера, кроме текущего, выглядело занятием беспредметным. В переписке Гедройца, особенно в первые годы существования «Культуры», повторяются фразы, свидетельст-

вующие не только о его упорстве, но и о юморе: «„Культура” прекрасно разрастается и, собственно говоря, полностью обанкротилась, что не портит нам настроения и не мешает докучать эмиграции и строить все более безумные планы».

В то же время это чувство независимости и забота об авторском аспекте «Культуры» не ограничивались только финансовыми вопросами. Существование журнала стало тесно связано с личностью его редактора, его манерой работы и чувством миссии. Интересно отметить, что довольно рано возник вопрос о наследовании и что уже тогда, в 1952 г., Гедройц принял решение, которое в позднейший период, а также после его смерти возбуждало острые споры, — решение прекратить издание «Культуры» со смертью ее создателя.

Еще одним важным фактором, позволившим «Культуре» сохранить свою независимость, была характерная черта самого Гедройца. Он говорил о ней в «Автобиографии в четыре руки» [написана в сотрудничестве с Кшиштофом Помяном], где, оценивая работу «коллектива „Культуры”», подчеркивал, что «хотя (...) для меня он был чем-то в высшей степени реальным, но для его членов он вовсе не существовал», и указывал главный принцип сотрудничества с «коллективом»: «Я всегда был лоялен ко всем своим сотрудникам, хотя это втягивало меня в конфликты с некоторыми из них, когда они ссорились друг с другом, а мне приходилось становиться на чью-то сторону».

3.

Урок, который сегодня представляет собой наследие «Культуры», не будет до конца понят, если не выделить два периода деятельности журнала и самого Ежи Гедройца. По очевидным причинам необычайно важно первое десятилетие, то есть и время, когда кристаллизовалась программа журнала и сам его коллектив, и время борьбы за материальное выживание «Культуры». Но столь же важно и последнее десятилетие — время, когда Польша обрела государственный суверенитет, когда подавляющее большинство политических учреждений, созданных за границей, перестало функционировать и когда, как могло бы казаться, нет никаких оснований к тому, чтобы они продолжали функционировать. Символическое признание лондонским правительством государственной непрерывности Второй и Третьей Речи Посполитой было подчеркнуто передачей знаков власти президентом в изгнании Качоровским президенту Валенсе. Тем не менее «Культура» не отказалась от своей миссии — наоборот, она стала как будто динамичней, во всяком случае сохранила критическую дистанцию по отношению к преобразованиям в Польше.

Похоже, что эта позиция как в начальный период, так и во времена после обретения Польшей государственного суверенитета была результатом принятого в «Культуре» стиля политического мышления, который мы находим еще в редактировавшихся Гедройцем в межвоенный период «Бунте молодых» и «Политике». В основополагающие элементы этого стиля мышления входило: неустанно формулировать новые решения и изучать взаимозависимость между общественным сознанием и системой политического устройства. В письме, написанном в 1951 г. Мельхиору Ваньковичу, Гедройц прямо формулировал, какую роль должна сыграть «Культура»:

«Я не чувствую себя в силах создавать историческое течение. Моих амбиций хватает лишь на стремление создать экспериментальную мастерскую, в которой изучают анализируют, увлекают выводы и эти выводы стараются провести в жизнь. (...) Понимаю, что многое может Вам не нравиться, но тогда прошу спорить, предложить другое решение, одним словом: сотрудничать. Я не хочу ни превращать „Культуру“ в капличку, ни формулировать догматические тезисы».

Таким образом, «Культура» должна была стать своего рода политическим клубом, довольно разнородным, открытым к различным мнениям — за исключением крайних как слева, так и справа.

В первом номере журнала цели и задачи коллектива, собравшегося вокруг него, изложены в трех пунктах:

«„Культура“ стремится позволить польским читателям, которые, выбрав политическую эмиграцию, оказались за границами родной страны, осознать, что культурный круг, в котором они живут, — это не вымерший круг.

„Культура“ стремится дойти к польским читателям на родине и укрепить в них веру в то, что близкие им ценности еще не рухнули под обухом грубой силы.

„Культура“ желает искать в мире западной цивилизации ту „волю к жизни“, без которой европеец вымрет, как вымерли некогда „правлящие слои былых империй“».

Неслучайно и то, что в этом заявлении авторы сосредотачиваются на вопросах культуры, а не политики — политика оказывается, как это уже было видно из журналов, редактировавшихся Гедройцем в межвоенный период, функцией культуры. Культурные ценности определяют смысл политических начинаний, становятся решающими в значении этих начинаний

перед лицом опасностей, которые встали после войны перед европейской цивилизацией. Одно как будто было для «Культуры» неопровержимым — факт, что эта цивилизация стоит на пороге нового кризиса, в том числе и кризиса государственного и общественного устройства. Как писал в 1951 г. о. Юзеф Мария Бохенский в «Демократическом манифесте», подписанном коллективом «Культуры»:

«Я хочу особо подчеркнуть, что речь идет о **нравственном чувстве**. Капитализм мы отвергаем не потому, что он экономически вреден; быть может, экономически он лучше любого другого устройства. Мы отвергаем его потому, что он ведет к обстоятельствам, **нравственно** непереносимым».

Разумеется, это ни в коей мере не означало приятия советской системы. Однако заставляло неустанно изучать перемены, происходящие в стране, в особенности наблюдать социально-экономическое положение. В листовке, озаглавленной «Какие из перемен в Польше обратимы?» редакция, обращаясь в 1955 г. к читателям на родине, подчеркивала:

«Проводя анкету о социально-экономических переменах в Польше, редакция „Культуры“ ставила целью задуматься над путями развития польской экономики и извлечь выводы на будущее. (...) Нельзя думать только об обретении свободы — нужно заранее планировать, как мы будем работать, когда станем не только хозяевами в своей стране, но и партнерами в со-зидании новой Европы».

Эта европейская перспектива лежит в основе стиля политического мышления, предстающего на страницах «Культуры». Причем это с самого начала образ «новой Европы» — такой видел ее Густав Герлинг-Грудзинский во вступлении к «Книгам польского народа и польского пилигримства» Мицкевича, первой книги, выпущенной «Институтом лите-рацким», такой она является в манифесте Бохенского, такова же она и в переписке Гедройца с более и менее близкими сотрудниками. Эта «новая Европа» обязана — так, по крайней мере, видел это и Юлиуш Мерошевский — искать социально-экономический порядок, который не только обеспечит материальное благополучие, но сверх того сохранит этику труда и достоинство трудящихся. Вышеназванное «нравственное чувство» выглядит здесь делом основополагающим. По той же причине вышеупомянутая анкета относительно перемен устройства в Польше не была лишена оснований: речь шла о том, принимает ли общество новый порядок и в какой степени; насколько этот порядок влияет на формирование общественного сознания данного устройства. Не без значения остается и то, что специальные номера журна-

ла, посвященные положению в Польше, были свою очередь попыткой помочь эмигрантскому обществу осознать направление и глубину преобразований, происшедших в стране после войны. Притом опять-таки речь не шла о приятии этих реалий, но о том, чтобы показать их и анализировать — в убеждении, что они накапливаются и после обретения Польшей независимости с этим нужно будет считаться, а значит, учитывать их при всех попытках конструирования программ на будущее.

В 70-80-е годы «Культура», по-прежнему оставаясь эмигрантским журналом (в том смысле, в каком этим словом определяют политическую эмиграцию), благодаря вышеописанным позициям становилась, можно сказать, журналом «отечественным». Это было видно по проявившемуся в 50-60-е интересе «Культуры» к польским «ревизионистам». Гедройц в «Автобиографии в четыре руки» так говорит об этом:

«В противоположность членам депутатской группы „Знак” [представительство католической интеллигенции в Сейме ПНР] ревизионисты были только мыслителями. Они не оказывали влияния на учреждения, отправлявшие власть. Но нам они были значительно ближе, потому, пожалуй, что критически относились к польской действительности. (...) В нашей симпатии к ревизионистам свою долю имело также недоверие к польским правым и недоверие к Церкви. Я считал, что хотя левые в польском обществе всегда были в очевидном меньшинстве, так как это общество в своей массе правое или эндекоидное [эндеки — национал-демократия, перед войной значительное крыло эндеков исповедовало — и проводило в жизнь — крайне правые, полуфашистские взгляды, включая воинствующий антисемитизм], но тем не менее почти весь XIX век и даже в предвоенные годы всегда выигрывали левые».

Когда анализируешь первое десятилетие деятельности «Культуры», то ясно видишь, что свою программу она связывала с образом «новой Европы», способной преодолеть фашистско-нацистскую пропасть и в то же время противостоять коммунизму, а в то же время умеющей извлекать выводы из тех общественных чаяний, которые привели к тому, что оба великих тоталитаризма XX века приобрели поддержку масс, сведенных капитализмом, «экономически лучшим, чем любое другое устройство», на роль производителей, лишенных права решать свою судьбу. Этот образ, в известной степени утопический — и в утопичности его «Культура» отдавала себе отчет, — противопоставлялся отечественным реалиям, особенно пропаганде, обещавшей «освободить трудящихся».

В значении этой проблематики сильнее всего отдавал себе отчет Юлиуш Мерошевский, который в своей публицистике не боялся указывать слабости капитализма и в то же время неустанно подчеркивал значение профсоюзного движения, заторможенного при коммунизме, — движения, которое и на Западе подвергается окостенению и бюрократизации, но все-таки в сопоставлении с ролью «профсоюзов» в ПНР составляет существенную точку зрения в динамике социально-экономической мысли. В своей книге о «Культуре» Анджей Ст. Ковальчик пишет: «Мерошевский часто декларировал свои социалистические симпатии, но самой близкой ему идеологией оставался либерализм. Однако он видел в нем не политическую и экономическую программу, а культурную позицию, входящей в основу нашей цивилизации наряду с критическим мышлением и демократическим устройством». Это верно, но верно и то, что в вопросе решений (или скорее поисков решений) экономических вопросов социализм — в том понимании, которое связано с социалистическими традициями, идущими прежде всего от мысли Эдварда Абрамовского, — был точкой отсчета как для публицистики самого Мерошевского, так и для немалой группы авторов «Культуры», близких (Ежи Стемповский, а в 90-е годы — Кшиштоф Волицкий) или менее близких к редакции (Войцех Гелжинский). Одно не подлежит сомнению: поиски «путей выхода», позволяющих «наемным работникам» превратиться в сотворцов материального бытия, сознающих, что они сами решают свою судьбу, составляют один из важнейших, хотя не демонстративных мотивов публицистики «Культуры», связанных с формированием образа «новой Европы».

4.

Этот мотив естественным образом был поднят в 80-е годы, после того как возникло движение «Солидарности», — продолжавший звучать после введения военного положения, он был поставлен как один из ключевых вопросов после 1989 г., когда развивающиеся экономические преобразования, поспешный «возврат к капитализму», сделали актуальными вопросы, поднятые в «Демократическом манифесте». Важно также, что Гедройц в поисках постоянного комментатора этих преобразований выбрал не кого иного, а Кшиштофа Волицкого, несомненно верного этике социализма. И тут опять видна независимость «Культуры» от господствующих тенденций: «Культура» сосредотачивается скорее на критическом отношении к происходящему — будь то в дневнике Смечы (Томаша Яструна), записках Эвы Берберииуш или, наконец, в самих «Заметках редактора», — нежели на апологетике. С тем, однако, что это критическое отношение по весьма важным вопросам, как экономическим, так

и политическим или культурным, имело строго определенные границы и если перерождалось в обычные жалобы или нападки на все, то практически всегда отвергалось. В этом же контексте следовало бы рассматривать и конфликт — один из самых драматических в истории «Культуры» — между Ежи Гедройцем и Густавом Герлингом-Грудзинским, в результате которого Гедройц разорвал их сотрудничество. Причиной послужили фрагменты «Ночного дневника», посвященные поездке писателя по Польше: сначала они печатались с редакционным комментарием, потом и вовсе были отвергнуты, — это можно воспринимать как превращение писателя-моралиста в писателя-морализатора (вероятно, весь конфликт нельзя свести только к этому, тем не менее это выглядит симптоматичным).

Указание на опасности, связанные с тем, что на реалии закрывают глаза или становятся на доктринерские позиции, особенно видно в публицистике, посвященной экономическим вопросам. Уже на пороге наступающих преобразований «Культура» напечатала два необычайно важных текста, посвященных этим вопросам, — статью Романа Зиманда (Леополит. Назвать по имени. 1990, №3) и программное высказывание Кароля Модзелевского (Солидарность труда. 1991, №4). В обоих текстах указаны опасности, которые несет с собой введение свободного рынка. Согласно линии поисков журнала кажется и дискуссионная статья Анджея Кшечуновича, посвященная «третьему пути» (Третий путь — его достоинства и недостатки. 1990, №5), тоже опубликованная на пороге системных преобразований. Однако, с другой стороны, наряду с проблемными текстами, где ведутся поиски общего восприятия происходящего, появляются и публикации, освещающие вопросы экономики и политики с точки зрения «рядового участника», — к ним, например, относятся «Размышления пожилой дамы» Камиллы Мондраль (1996, №9) или репортаж Гражины Помян о «повседневной жизни» в Тушине (Господа в столице чешут языком... 1992, №9). Соединение этих двух подходов: общего анализа или программного заявления, с одной стороны, а с другой — сосредоточенности на подробностях, — характерно как ответ на требование реализма, которое с самого начала определяло направление поисков «Культуры». Если говорить об этой заботе о подробностях, то здесь всегда большую роль играли дневниковые записи — в последний период это были «Искоса» Смеча и «Записки из пораженной зоны» Эвы Берберуш.

Эти тексты, как и тексты с анализом политики, были написаны уже не с позиций внешнего наблюдателя, но — приходя в основном из Польши — представляли собой непосредственный отчет о ходе преобразований. Впрочем, такое положение вещей

не было чем-то новым: еще в 70-е годы «Культура» стала, по определению самого Гедройца, «журналом отечественным в том смысле, что дела в Польше, всегда у нас присутствовавшие и выдвигавшиеся на первое место, теперь стали систематически восприниматься с перспективы участников и очевидцев, а не только наблюдателей из эмиграции». Таким образом, перелом 1989 г. не знаменовал никакого поворота в редакционной деятельности. Можно, не рискуя ошибиться, сказать, что «Культура» перестала быть чисто эмигрантским журналом уже в середине 80-х: выходя вне Польши (но в подполье переиздавали ее номера, а с 1989 г. польские переиздания стали правилом), она была сильнее связана с движением демократической оппозиции, чем с политическими организациями польского изгнания. По той же причине она так много места уделяла экономическим вопросам, с точки зрения общественной жизни основополагающим, а для большинства эмигрантских центров (может быть, за исключением лондонского журнала Анекс», органа по преимуществу эмиграции 1968-го) чисто абстрактным.

Эта укорененность в жизни страны как с самого начала, так и при обретении независимости приводила к тому, что Гедройц рассматривал свою миссию прежде всего как служение, не претендуя на роль поставщика готовых рецептов или приговоров. А в то же время дистанция, которую он сумел создать по отношению к институтам эмигрантской жизни, определяла его отношение к институтам независимого государства — отсюда неустанный критицизм при одновременном признании реалий, проявлением чего стал прием в Мезон-Лаффите президента Александра Квасневского как легально избранного политического лидера, хотя известно, что Гедройц оставался в оппозиции к политической программе, породившей Квасневского, — это он, кстати, и продемонстрировал, отказавшись принять из его рук орден Белого Орла. Благодаря таким жестам «Культура» сохраняла свою независимость, становилась — для многих неудобной — точкой отсчета в шедших политических спорах. Свои собственные взгляды относительно необходимых мер, имеющих целью упорядочить общественно-политическую жизнь, Гедройц изложил в «Послании», завершающем «Автобиографию в четыре руки»:

«Прежде всего мы должны изменить ментальность нации. Это требует укрепления исполнительной власти и контроля Сейма над ней. Это требует перестройки парламентской системы, так чтобы удалить из нее партийные и частные интересы. Требуется введения правления закона и непримиримой борьбы с коррупцией во всех ее видах и вариантах. Требуется свободной печати, в

то же время преисполненной чувством ответственности. Требует отделения Церкви от государства. Требует соблюдения прав национальных меньшинств»

Самым главным в этой программе выглядит первое предложение. Критицизм Гедройца — и не только его, а большинства авторов «Культуры» — по поводу «ментальности нации» охватывал все, что мешает выполнять перечисленные далее в программе требования: неспособность мыслить исходя из приоритета государственных интересов, склонность к частным интересам, национализм, перерождающийся в шовинизм, и, наконец — это в особенности относится к свободной печати, — отсутствие ответственности за слово. В этом последнем Гедройц как раз хотел сделать «Культуру» образцом для подражания и, можно сказать, своего добился: можно указать ряд культурных и политических изданий, прежде всего ежемесячных и ежеквартальных журналов, для которых «Культура» стала таким образцом: начиная с [самиздатских] «Записа» и «Критики» в 70-е годы и до сегодняшней периодики. Вопрос только в том, что это журналы элитарные, выходящие малыми тиражами, «непереводимые» на язык всеми читаемых газет и глянцевого журналов. Среди изданий, стремящихся удовлетворять требованиям Гедройца, несомненно находится краковский «Тыгодник повсехный», единственная поныне выступающая над волнами современности верхушка того «треугольника независимой мысли», который возник сразу после войны.

Пер. НГ

Конкурс "НП" – Рецензия и полемика

написать в редакцию

ВЛАДЕНИЯ КОРОЛЯ БЕЗЗЕМЕЛЬНОГО

Весь минувший век прошел перед глазами Ежи Гедройца; этот человек был внимательным очевидцем всех войн и переворотов того столетия, а для оценки самых важных перемен в судьбе Польши обладал исключительно широким полем наблюдения. Более того, на ее судьбы он оказал значительное влияние. Однако на этот раз, в столетие со дня его рождения, речь пойдет не о былых заслугах и не о заботах, принадлежащих прошлому. Важнее представляются указания и дорожные знаки, которые оставил нам Ежи Гедройц для того, чтобы будущее Польши не оказалось в опасности — ни от иностранной силы, ни от собственного нашего малодушия, кичливости, слепоты.

А они проявляются в пренебрежении к выводам, которые не так уж трудно извлечь из 637 номеров парижской «Культуры».

Эти выводы складываются не в единственно верное учение, требующее топтать чужие взгляды, а в связную концепцию политических действий, которые позволяют решить несколько избранных вопросов, жгучих для Польши. Государственным мужем, самым достойным такого звания, делала Гедройца способность отличать реальный вес вопроса от мнимого. Основопологающим он считал не само лишь дело независимости Польши, но и гарантии достигнутой независимости. Сутью дела было для него успешно использовать и прочно закрепить результаты удачной геополитической перемены, которую пережила Польша. Ее геополитическое положение долго оставалось фатальным. И вот советская наковальня развалилась, а немецкий молот перестал нависать над Польшей. На эту-то перемену Гедройц и рассчитывал — и дождался ее. Он мог ожидать, что поляки эту небывалую удачу оценят. Ни одна другая страна бывшего «соцлагеря» в дни освобождения не имела под рукой готовой концепции, как жить с соседями — не исключая и Россию — и уберечь себя от возврата под советский куколь. Гедройц такую концепцию нам дал и определил условия ее проведения в жизнь. И остаток его жизни отравил разочарование. Свидетельство тому — «Заметки редактора», печатавшиеся в «Культуре» с 1993 года.

«Культура» была декомпрессионной камерой для тех, кого в ПНР учили (как выражается Мрожек) дышать под водой. Читатели выныривали из жидкости, заправленной принуждением, подозрительностью и скукой, и втягивали в легкие глоток воздуха, каким дышал мир свободного обмена — не только товаров, но и мнений. Они набирали дыхание в другой Польше, без цензуры и захолустной духоты. Да, тираж «Культуры» никогда не поднялся выше семи тысяч, и из одной только читавшей их интеллигенции складывались дивизии Гедройца. Видно, заблуждаются те, кто верит, что меньшинство не может быть право. Презрение к очкарикам — симптом политической катастрофы.

Тезисы, выдвигавшиеся «Культурой», капля по капле точили даже бетон. Доказательство тому весь мир увидел на киевском Майдане морозной зимой 2004 года. Там собрались все: рядом с президентом Квасневским — Валенса и оба Качинских. Тысячи поляков с миллионом украинцев в один голос требовали только одного — той независимости, которую поляки уже завоевали, притом и не думая о завоеваниях за счет Украины. И не собираясь взаимно считаться кровавыми грехами. И не потому пошли они на эту площадь, что Сталин спервоначала отдал Львов Украине, а потом повелел полякам радоваться. К тому времени ни один советский солдат их не сторожил. Но поляков убедило письмо свящ. Маевского, который в ноябрьском номере «Культуры» за 1952 год писал о праве литовцев на Вильнюс, а украинцев — на Львов. Убедили их аргументы Меровского, Лободовского, Осадчука, Унгера, капля по капле просачивавшиеся со страниц «Культуры» во всеобщее сознание.

И тем не менее концепцию Гедройца не взяла на вооружение ни одна крупная организация, не включила в свою программу ни одна партия, а тем более не вошла она в основные принципы государственной доктрины.

Существует, правда, убеждение, что все правительства свободной Речи Посполитой в принципе придерживались идеи Гедройца, — более того: что она была общим знаменателем их внешней политики, — но этого убеждения не подтверждают ни факты, ни вышеупомянутые гневные «Заметки редактора» и его интервью, из них особенно памятное — Польскому ТВ, взятое Барбарой Чайковской.

Концепцию «Культуры» пытаются счесть глубокоуважаемым реликтом ялтинского прошлого, между тем как нетрудно показать, что осуществиться она могла и может лишь после ликвидации порядков и перегородок, установленных в Ялте.

Зато сам Гедройц стал предметом юбилейных торжеств, а нынешний год объявлен Годом Ежи Гедройца. Сочтем это доказательством бескорыстия органов культуры и национального наследия, ибо Гедройц был противником исторической политики и празднования славных поражений. Монографии и симпозиумы этого года касаются главным образом прошлого: велико-лепных достижений «Института литерацкого» и его авторов. О роли этого интеллектуального наследия и его вдохновителя в спорах на текущие темы — мало что слышать. Депутаты Сейма с трибуны с редким единомыслием не ссылаются на Гедройца, и касается это не только правящей партии.

Разумеется, отдельные деятели верно оценивали значение генеральных указаний Гедройца. Признаем, что серьезней всего к ним относились Владислав Бартошевский и Александр Квасневский — его действия в Киеве в переломный момент, о котором шла речь выше, хорошо об этом свидетельствуют. Но эти действия не нашли прочной поддержки в экономических сферах, в законодательных органах, а тем более среди политических конкурентов. Не забудем, как польские правые депутаты Европарламента саботировали акцию в поддержку демократической Украины.

Уже тогда обнаружился опасный, прямо патологический характер — не столько внешней политики, сколько ее места в иерархии государственных задач и долга политиков решать эти задачи надлежащим образом. Надлежащим, то есть как задачи первоплановые. Такими их считал Гедройц, и обязательно надо вспомнить его взгляд на эти задачи и порядок — по крайней мере порядок самых важных из них. Потому что похоже, что никто у нас в этой области сегодня не имеет лучшей практической концепции.

*

Можно утверждать, что первая из этих задач — признать за внешней политикой приоритет перед внутренними потребностями и требованиями.

Даже крупные державы не позволяют себе менять генеральную линию своих союзов и зарубежных начинаний, если выборы выиграла оппозиция. Заботятся они об этом, разумеется, в своих интересах, но некоторую их часть, то, что называется *национальными интересами*, оставляют в руках государства и на торги никогда не выставляют. Что входит в эту часть, демократическая власть устанавливает в согласовании с оппозицией: если речь идет о *национальных интересах*, то их не может определять только партия, за которую голосовала всего лишь часть народа.

Так она поступает, потому что и для нее это окупается, но бывает, что и теряет власть — однако тоже по принципу, который сформулировал Уильям Гладстон, четырежды премьер-министр Великобритании: «Даже у дикарей есть вожди, но только у цивилизованных народов есть вожди оппозиции».

А в Польше национальные интересы требуют неизбежного сотрудничества с другими государствами ради устройства большинства дел, касающихся граждан, начиная с экономики и безопасности страны и кончая путешествиями и отоплением помещений. Польша — последняя страна, которая могла бы позволить себе автаркию. Между тем нас осуждает на изоляцию среди соседей наша собственная пассивность и пренебрежение приоритетом обоих важных дел: внешней политики вообще, а также национальных интересов в их отношении к интересам групп, компаний, социальных слоев и, главное, партий.

Совершенно недавно г-н Леппер, тогда еще не заместитель премьер-министра, отправился в Москву, чтобы с помощью друзей добиться возобновления импорта польских овощей и гастрономии. Неизвестно, чем он собирался отблагодарить за услугу. В свете таких начинаний все, должно быть, с искренним облегчением отметили, что премьер-министр Ярослав Качинский начал свое правление, выдвинув международные дела на первый план в речи по случаю вступления на пост. Осталось, правда, ясно определить отношение правительства к упомянутым там субъектам международной жизни, особенно к ЕС и «Ближайшему» Востоку, но этот первый шаг заслуживает внимания.

*

Термин «энергетическая суверенность» появился десять лет назад на страницах «Культуры», прежде чем стать расхожим выражением. Мы тогда сигналили о подвохах того благословения, каким изображали «договор столетия», обеспечивающий Польшу поставки стратегического топлива по трубопроводу «Дружба» и проектировавшемся в то время Ямальскому газопроводу. Обеспечение поставок (и связанных с ними доходов) казалось всем по очереди — правым и левым — польским правительствам таким важным, что они смели со стола заседаний всякую заботу о гарантиях против монополии поставщика. Не принимали во внимание ни интересов Украины, которую новая ямальская труба должна была принудить к повиновению, ни примера, который доставила игра «Газпрома» с кранами и ценами. Заключенные договоры с самого начала заставляли Польшу платить за чрезмерное количество щедро поставляемого топлива — без права перепродажи излишков. Более того,

«Газпром» платил (и платит) нам только 3% сумм, положенных за транзит газа через Польшу на запад. Польский вице-премьер в конце концов счел успехом то, что российский контрагент согласился поставлять 100% нашей потребности в импорте и получать плату лишь за это количество. Это действительно могло выглядеть актом милосердия, так как прожорливость на газ и нефть стала глобальным явлением, а российские источники оказались самыми доступными для половины земного шара. Однако Польшу этот акт ставил в зависимость от любых требований монополиста, включая политические. Скажем ясно: суверенности Польши недостает важнейшей сегодня опоры. Не думаю, чтобы кто-либо из наших русских читателей вздумал удивляться, что поляков это не радует, и счел бы нашу заботу о самостоятельности актом русофобии.

Спасением выглядит дифференциация источников поставок — пресловутая диверсификация. О ней мы слышим много лет, и на ней настаивал Гедройц. Правящая ныне партия во время предвыборной кампании обещала решить эту задачу в самую первую очередь. За девять прошедших месяцев ничего из планов еще не вышло наружу, хотя в правительстве руководят экономикой специалисты как раз из этой отрасли.

Знатоки вопроса считают, что решить его можно, по сути дела, только двумя способами: временно — ввозя танкерами конденсированный газ в наши северные порты, а с долгосрочным расчетом — построив нефтепровод от Бродов до Плоцка и Гданьска. Украинцы свой отрезок трубы — от Одессы до Бродов — давно построили. И на свалку дезинформации следует отправлять широко распространенные слухи о том, что пропускная способность украинской трубы составляет всего два с половиной миллиона тонн нефти в год. На самом деле она равняется 24 млн. тонн. Только идти она должна через Кавказ из Казахстана, а со временем (дай Боже) — из иракского Курдистана.

Ни этого, ни пересмотра договоров с Россией мы не дождемся без помощи, солидарности и денег Евросоюза.

*

Ничто так не лежало у Гедройца на сердце, как Украина. И ничто так не ясно сегодня, как то, что ключ ко всей восточной политике лежит в Киеве. Самостоятельное существование на Востоке второго, притом дружественного нам политического субъекта — это не только условие мира и безопасности для Польши и (внимание!) для Евросоюза, не только гарантия альтернативного доступа к сырью. Оно необходимо и самой России, ибо отрезает ей возврат на старый, советский путь экспансии, кото-

рый так недавно привел СССР на край пропасти. В серьезном московском журнале «Эксперт» (№496, 2006, 22 янв.) Павел Быков пишет: «Парадокс, но вопреки расхожей мудрости „Россия без Украины“ куда более европейская и куда более держава, чем „Россия с Украиной“».

И подумать только, что не так давно точно такое же утверждение, мимоходом высказанное президентом Квасневским, вызвало гневный отклик Глеба Павловского, которого многие считают советника президента России. Это заставило нас (отнюдь не стремящихся к спорам с российскими политиками) вступить в полемику, в которой мы защищали общие интересы Польши и России от неуместных советов.

Отсутствие Польши на украинской политической сцене в ходе продолжающегося кризиса — это, вероятно, самый печальный и яркий пример отсутствия упомянутого выше приоритета внешней политики. Этого не излечишь одной только дипломатией или даже встречами Леха Качинского с Виктором Ющенко: украинцам требуются доказательства, что их поворот лицом к Западу дает им что-то конкретное.

В достижимости польской руки — дела, годами ждущие практического решения. Вот хотя бы четыре из них:

— украинско-польский колледж в Люблине, по-прежнему бездомный и под угрозой расчленения;

визы для украинцев на год вместо виз на несколько недель, да еще и дорогих;

— широкое открытие рынков для взаимных инвестиций; хорошим примером может служить покупка крупного металлургического комбината «Ченстохова» украинским концерном «Донбасс» — тем самым, который считается спонсором ныне правящей партии Януковича; таким образом «бело-голубые» убедились, что выгодные сделки можно заключать и на Западе — в частности, в Польше;

— возрождение Гуцульщины путем включения ее в польско-словацкий туристический бассейн на стыке трех границ. Может быть, Евросоюз не поскупится и тем самым протянет Украине руку помощи поверх границ.

*

Добавим, что это было последним пожеланием Гедройца — я услышал это от него, когда привез ему (в августе 2000-го) 11-й номер «Новой Польши», журнала, который не возник бы без его

пожелания и постоянного натиска на пишущего эти слова. Сегодня он стал единственным местом диалога поляков с русскими; из двухсот с лишним авторов журнала русские составляют треть.

Диалог это нелегкий. Здесь не место рассматривать истоки и парадоксальные возвращения трудностей там, где все материальные расхождения можно записать на листе бумаги формата А4.

Главное место в этом списке занимает вышеназванный вопрос зависимости Польши от российской монополии на поставку стратегического топлива и потенциальных политических последствий такого положения дел. Этот вопрос рано или поздно будет решен, так как Евросоюз начинает избавляться от иллюзии, будто единственная забота в этой области — обеспечить себе постоянные поставки, и неважно, какой ценой. Тревогу на весь ЕС подняла Италия, оказавшись — в результате слияния «Газпрома» с алжирским «Сонатрашем» (ее вторым и главным поставщиком) — в клещах монополии. А свободный рынок, заметим, монополии не выносит. На нем лучше быть лояльным партнером, нежели гегемоном: не теряешь ни копейки и не возбуждаешь у покупателей враждебности и погони за другими источниками; надеемся, что с этим согласятся и российские политики. К общим, солидарным переговорам с российским контрагентом, уже не с глазу на глаз и с пониманием интересов Польши («пациента первого контакта»), Европу склонит эта закономерность, а не какая-то там русофобия.

Кроме того, подчеркнем, что нельзя сваливать вину за нашу зависимость только на «Газпром». Русская поговорка гласит: «Дают — бери», — а польская: «Сам хотел — нечего обижаться». Без помощи тех, кто на этом нажился в Польше, «Газпром» не сохранил бы монополию, завоеванную еще во времена СЭВа.

*

Другие вопросы, касающиеся т.н. базиса, не должны нас тут занимать. Во-первых, они по сути дела зависят от доброй воли власть предержащих (как дело Пилавского пролива или импорта польских овощей). Во-вторых, между Россией и Польшей уже нет места (да и территории) территориальным спорам и решениям при помощи силы. Исполнилось предвидение Гедройца: независимость Украины убирает главную кость раздора, за которую Польша веками грызлась с царской Россией, пока не потерпела окончательное поражение. У Польши нет никаких поползновений на чужие земли и города — она дала тому доказательства. Что же касается России (что бы ни говорить о тор-

говом пути к гегемонии), то такая тенденция вытесняет из государственной политики анахроническую и неокупаемую традицию территориальной экспансии.

Юлиуш Мерошевский писал в «Культуре» еще в советские времена:

«Никто в здравом разуме не желает расчленения России. Русские имеют право на свою землю, как любой другой народ, и если бы коренным русским землям грозил захват, русские имели бы право ожидать помощи даже от нас».

*

Это если говорить о «базисе». С нашей старой знакомой, «надстройкой», дела обстоят хуже. Как в России, так и в Польше. Здесь продолжается напряженность, здесь ведутся споры, особенно по поводу истории. Здесь жируют шовинисты и подстрекатели с обеих сторон; одни запугивают Польшу российским нашествием, другие делают из Польши дежурного врага России. На этой почве вырастает ядовитое зелье — разлад. Не между правительствами — это дело переменчивое и в описываемых условиях катастрофой не грозит. Речь идет о разладе между поляками и русскими.

В чем Гедройц был убежден, так это в том, что важнее переговоров и договоров между «верхушками» отношения между нашими обществами, особенно когда граждане России перестали быть подданными, а почувствовали себя действительно гражданами. Особое внимание он обращал на интеллигенцию, считая, что она вырабатывает национальное общественное мнение.

Нам, читателям «Культуры», он внушал восхищение перед этим малочисленным слоем, искоренявшимся всеми тиранами. Русская интеллигенция создала книги, которые стали желанной духовной пищей во всем мире. Их авторы защищали славу и достоинство России лучше, чем ее маршалы. Их произведения, в ПНР недоступные и изымавшиеся на обысках, составили четверть всех публикаций «Института литерацкого».

Редактор «Культуры», без снисхождения относясь к польским комплексам, требовал от читателей умения отличать советскую отрывку в политике российских властей от обид и огорчений рядового российского гражданина, который после распада СССР почувствовал себя лишенным былого блеска державы. Авторы «Культуры» не давали воли мстительным чувствам. Они осуждали такие случаи нарушения прав российских гражд-

дан, как известное происшествие на варшавском вокзале осенью 1994 г., когда польская полиция, вместо того чтобы защищать потерпевших, наказала их. При всем преклонении перед Джозефом Конрадом как Густав Герлинг-Грудзинский, так и сам Гедройц считали промахом его «Тайного агента», где русские играют только зловещую роль. По просьбе Гедройца Земовит Федецкий нашел на варшавском православном кладбище забытую могилу Дмитрия Философова и поставил на ней крест. Гедройц дружил с этим эмигрантским мыслителем и в 30-е годы был завсегдатаем его «Домика в Коломне».

Но не эмоции или воспоминания о минской и московской молодости влияли на состав принципов Гедройца, а трезвая, лишенная иллюзий оценка опыта сосуществования поляков и русских. Однако он не считал, что этот опыт исключает надежды на лучшее. Он не разделял мнение таких знаменитостей, как Ричард Пайпс, считающего, что история осудила Россию на вечный возврат тирании; он с удовлетворением поместил мою полемику с этим фаталистическим взглядом.

Гедройц и его люди держались твердого принципа: изучать и разоблачать преступления советского коммунизма, но не возлагать его вину на потомков, не применять проклятой доктрины коллективной ответственности. Поэтому редактор «Культуры» придавал такое значение вопросу о Катыни, и поэтому его так разочаровало огорчительное сопротивление властей уже свободной России попыткам справедливого решения катынского дела. Да и вся польская общественность надеялась, что этот вопрос станет долгожданным критерием окончательного разрыва новой России со сталинскими традициями. Об этом по существу шла и идет речь. Только человек крайне недоброй воли может видеть в этом пожелании пример русофобии.

Отметим, что в России довольно широко распространены подозрения насчет одержимости поляков в целом русофобией. Тому, конечно, есть некоторые причины. Достаточно вспомнить неумные предложения бойкотировать московское празднование 60-летия победы над Гитлером. Да, хозяева тогда пренебрегли участием Польши не только в праздновании, но и в войне, начавшейся нападением на Польшу. Да, Красная армия не освободила поляков, ибо навязала им нежеланный режим. Но зато она их *спасла*! Спасла от массового уничтожения, от истребления, от преобразования в массу рабов Третьего Рейха. Отрицать это значило бы оскорблять не власти России, но ее простых граждан, всех потомков и близких тех сотен тысяч парней, которые до сих пор лежат «в полях за Вислой сонной».

Но этого не произошло: русофобия в Польше — не эпидемия, и многие поляки все-таки Гедройца поняли. А писать об этом мы можем свободно, так как навязанный Польше режим канул не в Вислу, а в Лету.

Принимая во внимание совершенные и несовершенные грехи, мы, однако, можем констатировать, что польские высказывания по поводу спорных вопросов из этого списка с листа формата А4 не идут ни в какое сравнение с клеветническими измышлениями, направленными против Польши и появляющимися в последние годы в российских органах, представляющих крайне шовинистические течения. Написаны они стилем ложного доноса и стремятся добиться от властей запрета на диалог, ведущийся русской и польской общественностью на страницах нашего журнала.

Да стоит ли обращать внимание на эти выступления из парка юрского периода, неуместные в эпоху Интернета. Нас должно больше беспокоить распространение в России анахронических предрассудков насчет Польши среди людей доброй воли. Натиск информации, текущей из телевидения, радио, Интернета заставляет их застревать — когда речь идет о нашей стране — на расхожих стереотипах. Приглядимся в заключение только к одному из них, ибо речь идет о вопросе, который Гедройц считал ключевым.

Польскую активность на востоке, необходимую для нас и нужную соседям, большинство русских, включая и относящихся к нам дружелюбно, рассматривает как возврат польского захватничества. Стереотип Польши-жертвы — может, и невинной, но необходимой для величия Державы, — заменен (и неважно, чьими стараниями) архаическим стереотипом Речи Посполитой как захватнического соперника Москвы.

Тут мало возмущаться абсурдностью этого мифа и клеймить клеветников. Лучшее оружие убеждения — факты. Поэтому нам ничего не даст пассивность или *splendid isolation* от русских, особенно от русской интеллигенции. Она столько лет видела в поляках, их начинаниях, их помыслах, их реформах опору своих надежд. Недостойно будет, если теперь она увидит нас ретирующимися.

А значит, и дальше будем делать свое дело. Только надо, чтобы все, что мы делаем на востоке, особенно по отношению к Украине, продолжало опровергать всякую тягу к господству. Осмелюсь верить, что таково было бы послание Ежи Гедройца, если бы он мог вернуться в свои владения.

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

Весь минувший век прошел перед глазами Ежи Гедройца; этот человек был внимательным очевидцем всех войн и переворотов того столетия, а для оценки самых важных перемен в судьбе Польши обладал исключительно широким полем наблюдения. Более того, на ее судьбы он оказал значительное влияние. Однако на этот раз, в столетие со дня его рождения, речь пойдет не о былых заслугах и не о заботах, принадлежащих прошлому. Важнее представляются указания и дорожные знаки, которые оставил нам Ежи Гедройц для того, чтобы будущее Польши не оказалось в опасности — ни от иностранной силы, ни от собственного нашего малодушия, кичливости, слепоты.

А они проявляются в пренебрежении к выводам, которые не так уж трудно извлечь из 637 номеров парижской «Культуры».

Эти выводы складываются не в единственно верное учение, требующее топтать чужие взгляды, а в связную концепцию политических действий, которые позволят решить несколько избранных вопросов, жгучих для Польши. Государственным мужем, самым достойным такого звания, делала Гедройца способность отличать реальный вес вопроса от мнимого. Основопологающим он считал не само лишь дело независимости Польши, но и гарантии достигнутой независимости. Сутью дела было для него успешно использовать и прочно закрепить результаты удачной геополитической перемены, которую пережила Польша. Ее геополитическое положение долго оставалось фатальным. И вот советская наковальня развалилась, а немецкий молот перестал нависать над Польшей. На эту-то перемену Гедройц и рассчитывал — и дождался ее. Он мог ожидать, что поляки эту небывалую удачу оценят. Ни одна другая страна бывшего «соцлагеря» в дни освобождения не имела под рукой готовой концепции, как жить с соседями — не исключая и Россию — и уберечь себя от возврата под советский куколь. Гедройц такую концепцию нам дал и определил условия ее проведения в жизнь. И остаток его жизни отравил разочарование. Свидетельство тому — «Заметки редактора», печатавшиеся в «Культуре» с 1993 года.

РЕДАКТОР

Первый раз в «Культуру», в дом в Мезон-Лафите, я попал летом 1983 года. От пригородной станции до него было не близко. Я шел, полный опасений: как примет меня Ежи Гедройц? Не будет ли выговаривать за связи моего отца с режимом? Да еще эта холодная дрожь, вызванная промыванием мозгов, телевизионными программами о «Культуре», из которых можно было сделать вывод, что недреманное око пээнэровской разведки регистрирует каждого поляка, переступающего этот порог. Я пытался догадаться, где они могут сидеть со своими камерами: в каком-то из домов напротив, в бистро?

— Чем могу быть полезен? — спросил Редактор.

Так все и началось. До конца 80-х я разговаривал с ним в Мезон-Лафите несколько раз. Переписываться мы начали в 1988-м. Первые письма от Гедройца были полуконспиративные: без Парижа перед текстом письма и с характерной завитушкой вместо подписи. Они касались дел [подпольного. — *Здесь и далее в квадратных скобках прим. пер.*] издательства «Кронг» [«Круг»], где я работал, и «Рочника подковьянского» [«Ежегодника Подковы-Лесной»]. Редактор передал сумму денег, благодаря которой мы могли выпустить №2-3. Я его спрашивал, как нам указать его вклад, — в конце концов он согласился, чтобы мы поблагодарили «Ежи».

Я был очень горд, когда в письме от 12 мая 1989 г. он написал, что наш «Рочник» «весьма интересен».

Третьим октября того же года датировано следующее письмо — на этот раз уже на фирменной бумаге «Института литерацкого». Кроме оценки текстов, которые я предложил в «Культуру», письмо содержит типичные для Редактора стратегические указания:

«К сожалению, до сих пор никто не интересуется тем, что происходит в Советском Союзе. Жаль, что Анджей Дравич, специалист в этой области, занял должность, к которой он, пожалуй, не особенно подготовлен [Дравич был назначен директором Польского телевидения]. Думаю, что сейчас можно было бы устроить, чтобы главным редактором «Пшиязни» [«Дружбы»] стал какой-нибудь русский литератор или журналист из ведущих людей перестройки. Можно было бы ликвидировать «Край

Рад» [«Страну Советов»], а главное, реорганизовать Общество польско-советской дружбы, которое могло бы сыграть известную роль, если бы кто-нибудь, кто на это годится, занялся этим вопросом. Ну, что делать, не слишком ясно, к кому обратиться с этими подсказками».

Я тогда, видимо, пытался объяснить Редактору, что действительность на этот раз движется быстрее, чем его мысль. А вопрос о «Пшиязни» вызвало мое предложение напечатать письма сталинских лет (в основном оскорбительные) в этот журнал. Гедройц, однако, счел, что не время разжигать такие настроения.

В следующие годы я писал ему и рассказывал по телефону о своих поездках в Россию, Белоруссию и на Украину. Его очень радовало, что в совместной ликвидации «белых пятен» начинают участвовать и тамошние историки. Однако предостерегал от гигантомании связанных с этим проектов, которые мы тогда разрабатывали в «Карте»:

«Действительно, сотрудничество с „Мемориалом“ приобретает размах. Но я очень боюсь, не сделан ли план работы чересчур на вырост. Может, из-за того, что я привык работать крайне кустарно, вся структура мне кажется слишком бюрократической. Не говоря уже о финансовой стороне, откуда взять ответственных людей на осуществление такой огромной программы» (письмо от 10 сент. 1992).

Осенью того же года Редактор с печалью писал: «...теперь у меня наступил издательский кризис». Это, разумеется, относилось только к изданию книг. С тех пор он обращал мое внимание на ценные, по его мнению, воспоминания. Конечно, делал он это тактично, направляя не авторов ко мне («Само собой разумеется, я не собираюсь валить Вам на голову эти записки...»), а меня к ним.

Безуспешно старался он заразить меня более широким взглядом на восточные дела — выходящим за рамки истории и искусства:

«С нарастающим ужасом смотрю на то, что вытворяют в Польше, особенно на отрезке внешней политики. Сплошные ляпсусы. Теперь борюсь за то, чтобы Польша пришла на помощь Литве, отправляя ей уголь, которого у нас излишки. Само собой разумеется, что им нужна нефть, но что делать, этого у нас нет. Немного лучше в Латвии и Эстонии, где пустили в ход силовую станцию на нефти, но здесь тоже видна наша бездарность. Эту силовую станцию за пять месяцев построила Финляндия. Наше

предложение было рассчитано на несколько лет [строительства], и так во всем.

Здесь по случаю столетия ППС [Польской социалистической партии] 18-го числа проходит коллоквиум в филиале [Польской] Академии наук на [улице] Лористон, куда приезжает много людей, в т.ч. Бугай, Модзелевский, Малаховский. Буду говорить с ними, но выйдет ли что-то из этих разговоров — весьма сомневаюсь.

Пользуясь тем, что приезжала пани Хеннель из „Тыгодника повшехного“, я развел интригу, чтобы она выступила с проектом самообложения польских приходов за границей на восстановление польского костела в Москве. У польской Церкви достаточно денег, чтобы это сделать. Есть только вопрос определения, по крайней мере ориентировочного, сколько стоил бы такой ремонт. Может, Вы могли бы это сделать через свои контакты? Во всяком случае я позволил себе направить к Вам пани Хеннель по этому вопросу» (3 ноября 1992).

В январе следующего года я получил из Мезон-Лафита письмо, из которого следует, что Редактор не оставил своего замысла. Держал руку на пульсе. Знал, что пани Юзефа обратилась ко мне, а я — к полякам в Москве. Гедройц спрашивал только: «Как это выглядит?»

Зная, что я поддерживаю контакты с московскими и петербургскими поляками, он пробовал внушить мне, чтобы я заинтересовался и поляками в среднеазиатских республиках, ибо «на этом отрезке неслыханная путаница» (18 авг. 1994).

В октябре 1994 г. в «Кружке Подковы» прошла трехдневная конференция польских и русских историков «В кругу империи». Она открылась чтением письма, пришедшего факсом от Ежи Гедройца:

«По моему глубокому убеждению, от нормальных отношений между Польшей и Россией зависит не только будущее наших стран, но и будущее Европы. До сих пор мало кто отдает себе в этом отчет. Среди русских по-прежнему царит недоверие и подозрение, что мы боремся с Россией и стремимся ее ослабить. Поляки помнят огромные беды, которые испытали, и опасаются возрождения империализма, который снова может угрожать нашей независимости. Это еще обостряется отождествлением советской власти с Россией, притом что одновременно забывают, сколько несчастий и бед принес этот строй самой России. А к этому прибавляется взаимное невежество: мы почти ничего друг о друге не знаем.

Чтобы серьезно думать о нормализации и добрососедских отношениях, надо сначала объективно и бесстрастно анализировать историю этих отношений. Не только наших, но историю отношений империи со всеми народами, которые входили в ее состав. Ибо все это взаимосвязано. Только проделав эту огромную работу, мы можем приступить к построению нашего будущего, сотрудничества и дружбы.

Желаю съезду плодотворных заседаний».

Несколько писем этого и следующего года относятся к различным «восточным начинаниям», предпринимавшимся организациями-эфемеридами, которые предлагали сотрудничество Гедройцу, «Карте», «Кружку Подковы». «Буду весьма обязан, — писал Ежи Гедройц 27 марта 1995 г. об одном из таких «начинаний», — за мнение об этой организации. Ничего о ней не слышал. Она производит впечатление какого-то блефа».

В 1996 г. в «Кружке Подковы» мы издали по-белорусски книгу «Минская весна». Это была хроника деятельности оппозиции, антилукашенковских демонстраций и, наконец, репрессий, в ту весну очень жестоких, что я видел в Минске своими глазами. Там такая книга выйти не могла. Вместе с белорусами мы подготавливали ее в Подкове. Затем весь тираж «отъехал» через Литву в Белоруссию. Эта операция меня очень возбуждала, я все время повторял слова Мицкевича о том, как еврей контрабандой перевозит в Литву тома его сочинений. На волне этого энтузиазма я предложил Ежи Гедройцу, который, как мы знаем, родился в Минске, написать предисловие. Вот что он мне ответил:

«Если речь идет о той работе, которую вы готовите о событиях этой весны в Минске, то я предпочел бы не писать вступления или даже нескольких слов, обращенных к белорусскому читателю. Прежде всего я довольно критически отношусь к белорусской оппозиции в Минске. То, что Позняк выбрал свободу в США, кажется мне ошибкой, потому что несмотря на очевидный риск, надо было оставаться на месте и воодушевлять движение за независимость. В настоящий момент я поглощен концепцией создания кафедры белорусской истории и культуры в Белостоцком университете. Эта кафедра благодаря соответствующим публикациям стала центром свободной белорусской мысли, и мое намерение — стипендии и помощь репрессированным. Это нелегко, так как много бюрократических помех, а также антибелорусские настроения в самом университете. На надеюсь, что удастся преодолеть, так как этим заинтересовался Цимошевич [тогдашний министр иностранных дел, по происхождению белорус], который связан с этим регионом. Как я смог разобраться, в Польше немало лиц, изучающих белорус-

ские проблемы, но они рассеяны по разным университетам, так что можно будет организовать хороший состав [кафедры] с тылами.

Белоруссия для меня необычайно важна: если Россия ее поглотит, это создаст нам колоссальную опасность. Думаю, однако, что надо делать это осторожно, чтобы не создавать еще одного ненужного очага конфликтов с Россией» (12 авг. 1996).

Хотя в 1994 г. Ежи Гедройц говорил об ошибочном отождествлении советского тоталитаризма с Россией как таковой, тем не менее три года спустя он писал мне: «Получил очень интересный документ — меморандум министерства внутренних дел от января 1864 г. об учреждении методов высылки подозрительных лиц „из Царства Польского и западного края” [курсивом — по-русски в тексте]. Документ крайне характерный, свидетельствующий, что методы не изменились на протяжении целого столетия».

Письма Гедройца 1998–1999 гг. касаются публикации конкретных текстов в «Культуре» либо содержат рекомендации материалов, которые он был не в состоянии напечатать и искал для них места в журналах, выходящих в Польше.

В 2000 г. я вошел в состав редакции «Новой Польши». В июне в Москве принял участие в вечере, посвященном памяти Михаила Геллера, выдающегося историка, двукратного эмигранта (из СССР, а потом из Польши после марта 1968-го). 20 июля получил письмо по электронной почте:

«Глубокоуважаемый и дорогой пан!

Очень жалею, что не получил заметки о вечере, связанном с Мишей Геллером, которую мне Помяновский от Вашего имени обещал. Это для меня очень важный вопрос, так как Геллер был не только ближайшим нашим сотрудником, но и большим другом. Будет ли возможно получить эту заметку в течение недели? Видно, Помяновский в том беличьем колесе, в котором он живет, должно быть, забыл Вам сказать об этом. Так что я очень Вас прошу написать, а если у Вас не найдется на это времени, то укажите, пожалуйста, кто мог бы это компетентно сделать».

Разумеется, получив такие мотивировки, я выполнил заданный урок. 31 июля Ежи Гедройц прислал мейл с благодарностью. Текст вошел в последний, еще им подготовленный номер «Культуры».

Он еще звонил в «Новую Польшу» — уже из больницы, хотя это обстоятельство скрывал.

Теперь, когда я читаю его письма, понимаю, почему о нем говорят «Редактор». Не только потому, что он выбрал себе такое занятие и полвека возглавлял журнал, но еще и потому, что действительно редактировал и участвующих в «Культуре» людей, хотя они не всегда этому поддавались. В известной степени я тоже чувствую, что меня Гедройц отредактировал.

Пер. НГ

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В одном из своих предыдущих очерков я утверждал, что в польских эмигрантских кругах царит некоммуникативность. Термины и определения, которые мы используем, становятся всё многозначнее. К каждой статье нужно добавлять отдельный комментарий. Если автор использует термин «демократия», в комментарии следовало бы детально пояснить, о каком именно типе демократии говорит автор; если он пишет о «ревизионизме», то должен уточнить, что он имеет в виду и т.д., и т.п.

Когда я просматриваю свои статьи за последние три года, то прихожу к выводу, что почти каждая из них объясняет содержание предыдущей. Споры полезны, когда они затрагивают суть вещей. Но мы, как правило, не спорим, а объясняем друг другу, что именно мы понимаем под какими-то терминами. Если для читателя термины «Россия» и «Советский Союз» означают одно и то же, то он не в состоянии понять большинства политических статей, печатающихся в «Культуре». Для другого читателя может быть неясен термин «социализм с человеческим лицом». Дело в том, что этот термин — просто определенный знак, сжато отображающий целое сложное понятие, вполне ясное только тем читателям, которые хорошо знакомы с программой революционной борьбы за свободу в Чехословакии, раздавленной советским сапогом.

В связи со статьей «Польская футурология» я получил множество писем. Среди них попадаются голоса, обвиняющие меня в... фашизме. Если социалист обвиняет меня в фашизме — совершенно очевидно, что, говоря о социализме, мы с моим читателем имеем в виду две совершенно различные вещи.

Как найти выход из этого положения?

Если мне не помешают состояние здоровья и загруженность работой, то я хотел бы составить небольшой «Словарь политического языка журнала „Культура“». Словари подобного типа есть у американцев, англичан, французов и других народов. Разумеется, составление словаря политической терминологии всей польской эмиграции было бы невозможно. Между нами существуют огромные расхождения, и редакционная коллегия, созданная для составления такого словаря, не смогла бы прийти к единому мнению по тексту любой его статьи. Словарь, который хотел бы составить я, относился бы исключительно к

«Культуре». Такого рода небольшая брошюра была бы чрезвычайно полезна как нижеподписавшемуся, так и нашим читателям.

Приведем пример: каждый раз, когда в своей статье я должен использовать термин «социализм», меня одолевают сомнения. Написать ли «демократический социализм», «социализм западного типа» или, быть может, «социализм будущего»? Эти дополнительные определения фактически усиливают многозначность самого термина, поскольку социализм в нашем понимании по определению является демократическим. Поэтому «демократический социализм» — это все равно что «масло масляное». Как только возникнет словарь, о котором я говорил выше, я смогу использовать слово «социализм» безо всяких определений, потому что читатель — особенно тот, кто не слишком хорошо знаком с «Культурой», — заглянет в наш словарь в статью «Социализм» и сразу поймет, о чем идет речь.

Такой словарь нужен еще и потому, что многие наши концепции придают новое значение традиционным политическим терминам. Возьмем для примера термин «восточная политика».

Суть польской «восточной программы», неоднократно обсуждавшейся на страницах «Культуры», подробно изложена, в частности, в статье Ю.Мерошевского «Польская „Ostpolitik”» («Культура», 1973, №4/307). Ее основные положения таковы:

1. «У «народной» Польши нет и не может быть никакой «восточной программы».
2. «Восточная программа» не должна заглядывать слишком далеко в будущее и строить планы, которые могут стать предметом обсуждения только после восстановления независимости».
3. «Первым пунктом польской „восточной политики” должно быть признание права на самоопределение и независимое государственное существование всех народов, угнетенных Советами. С польской точки зрения этот пункт в особенности касается украинцев, белорусов и литовцев. Мы должны заверить украинцев и литовцев (...) что мы не выдвигаем никаких требований о возврате нам Вильнюса и Львова».
4. «Задачей польской восточной политики должно стать возбуждение и усиление всех центробежных сил в Советском Союзе и сплочение единого фронта угнетаемых Советами народов — включая самих русских.

5. «Мы стремимся к дружественным отношениям с русским народом».

6. «На возражение, что восточная программа не будет нужна, пока существует советская империя, и что формулировать эту программу надо будет лишь тогда, когда Советский Союз окажется в состоянии распада, я отвечаю, что кризис в Советском Союзе — независимо от его формы — создаст для угнетенных народов определенные возможности, которые мы сможем либо использовать, либо упустить. Вероятность упустить эти создавшиеся возможности будет особенно велика, если у нас не будет согласованной программы».

Исторические рамки этой программы остаются прежними, но мы в своей формулировке этой программы старались избежать тех ошибок, которые привели к неудаче первой [довоенной] «польской восточной политики».

Я вполне осознаю, что для читателя из рядов новейшей эмиграции [1968 года] два предыдущих положения могут быть непонятны. Какая такая «восточная программа»? Чтобы объяснить, о чем мы говорим, пришлось бы написать огромную статью — несмотря на то что на эту тему мы уже писали в «Культуре» много и подробно. А в словарики, который я хотел бы составить, статья «Восточная программа» будет представлена сжато и ясно, что сделает излишним необходимость повторения того, что давно уже написано и много раз повторено.

«Культура» представляет собой некое новое явление в польской политической традиции. Мы являемся политическим центром, не будучи ни политической партией, ни конспиративным кружком. Мы не связаны ни уставом, ни резолюциями и благодаря этому можем обсуждать любую польскую политическую программу, не опасаясь, что нас... исключат из партии. Такой политической партии, в которую я бы вступил, еще не существует.

Как я уже когда-то подчеркивал по другому поводу, самым «дискуссионным» всегда выглядит реализм и объективизм. Гораздо легче завоевать широкую поддержку для программы, опирающейся на традицию и благие пожелания, — чем для взглядов, которые идут вразрез с традицией, но рука об руку с политическим реализмом. Однако и здесь мы достигли определенных успехов. В таком трудном и болезненном вопросе, как вопрос статуса Львова и Вильнюса, мы сумели убедить определенный процент общественности, что еще 15 лет назад было бы абсолютно невозможным.

Из недавно полученных нами писем на эту тему я хотел бы привести два особенно характерных отрывка.

Из письма Тадеуша Мацейчика, врача из штата Иллинойс (США):

«Я не согласен с г-ном Меровским, что большинство читателей испытывает к поднимаемой им тематике одну только аллергию. Мне кажется, что в его статьях можно найти и кое-что другое. Поэтому нервные срывы, вызванные чтением его статей, имеют, как мне представляется, иное происхождение и иное значение.

Было время, когда, вероятно, и во мне все закипало, если я читал о планах отказа от Львова и Вильнюса, о попытках заставить меня думать, что мы должны помогать украинцам в восстановлении их независимости, да еще отдавая им в придачу наши исконные земли. Для меня Львов и Вильно — это были наши, польские города.

Во второй половине 40-х и в начале 50-х годов Испания организовала в Мадриде стипендии для студентов „из-за железного занавеса”. Под одной крышей оказались польская группа, украинская группа, был один литовец, несколько белорусов, были чехи, словаки и др. Вначале это было для меня шоком. Однако годы пребывания вместе всех этих групп позволило им сблизиться и понять друг друга. Сколько бессонных ночей я провел, размышляя о проблеме Львова и Вильнюса: что правильно? что неправильно? что реально? Созревание мыслей и суждений было болезненным. Мне кажется, что аллергия по отношению к статьям г-на Меровского есть не что иное, как самозащита, попытка избежать этой боли. У одних — это реакция страуса, прячущего голову в песок, у других — форма попытки «переварить» эту проблему (если они на это соглашались), но приводящая к нервным срывам».

Автор второго письма — г-н Анджей Володкевич из Монреаля:

«...Я с ужасом читаю, как г-н Меровский широким жестом отдает Вильно литовцам, а Львов — украинцам... Я пишу это не как потомок семьи, несколько поколений которой жили в Минском крае, а как поляк, желающий не только независимости, но и целостности польских земель. Вместо того, чтобы подготавливать (пока что на страницах „Культуры”) пятый раздел Польши, стоило бы подумать о мудрой политике в отношении национальных меньшинств, полностью гарантирующей им все гражданские права и взаимное уважение».

Для г-на Володкевича украинцы и литовцы — это все еще «национальные меньшинства», а не самостоятельные нации. Литовцы и украинцы не заслужили в будущем ничего, кроме улучшенного варианта прежней польской политики по отношению к «национальным меньшинствам».

Читателю нелегко приспособиться ни к нашему методу, ни к нашему типу рассуждений. Мы всегда думаем о своей родине — но за исходный пункт всех наших концепций и анализов принимаем не Вторую Речь Посполитую, а современную Польшу. При благоприятных условиях Польша сможет когда-нибудь вырваться из-под сокрушительного советского ига. Однако после 40 или 50 лет, которые, быть может, будут нас в этом случае отделять от краха Второй Речи Посполитой, уже ничего нельзя будет реставрировать. Возьмем для примера вопрос о социально-политическом устройстве. Когда исчезнет последнее поколение членов Польской социалистической партии (ППС) — в Польше уже не будет людей, которые были в прошлом связаны с этой партией. И кому в такой ситуации ее реставрировать?

Политика в значительной степени основывается на умении предвидеть будущее развитие событий. Однако правильный прогноз возможен только исходя из реалистического подхода к действительности. Образ Польши через 20 или 30 лет, теоретически экстраполированный из доступных сегодня материалов, так отличается от образа Второй Речи Посполитой, что польские эмигранты содрогаются при самой мысли о возможности принять его за результат вероятного развития сегодняшней Польши.

Несколько дней назад один из моих лондонских знакомых, человек весьма образованный и умный, позвонил мне и спросил: «Что вы там пишете о польском Дубчеке? Польского Дубчека варшавяне „вывезут на тачке“ в тот же день, как он появится!»

Слушая эти слова, я припомнил «светлые слова» одного из эмигрантских лондонских писателей: «Любой социализм — это рабство».

На самом деле вовсе не нужно быть ясновидящим, чтобы представить себе, с каким энтузиазмом поляки на родине восприняли бы отмену цензуры, привлечение к судебной ответственности кагэбэшников, освобождение из тюрем политзаключенных и т.п. В течение недели отечественная печать, радио и телевидение изменили бы свое лицо до неузнаваемости. За человека, который бы это сделал, выступили бы все без исключения. Социализм с человеческим лицом поддержало бы 70, а то и 80 процентов общества. И это совершенно понятно, потому что

«дубчекизм» в сравнении с «гомулкизмом» показался бы жителям Польши раем на земле.

Мы с вами не живем под властью режима Гомулки, и поэтому для нас «дубчекизм» не кажется привлекательным. Мы постоянно твердим о конституциях, о голосовании с пятью эпитетами (прямое, равное и т.д.), о выборах, о демократии в западном смысле слова и т.п. Большинство из нас покинуло родину 30 лет назад, и наши польские корни уходят в прошлое. Бывает, что я сам перед сном читаю «Пана Тадеуша» и знаю его почти наизусть. Но это единственная Польша, куда я могу без опаски возвращаться каждую ночь.

В значительной мере мы — «литературные» поляки. Нас «предала» наша собственная литература, которая никогда не учила нас действительности, но, наоборот, обрекала Польшу на романтическое величие. Россия, отброшенная за Днепр; краковский «колокол Сигизмунда», возвещающий народу свободу и могущество; «наши польские уланы // не привыкли отступать» — вот образ, к которому мы гораздо лучше подготовлены, чем к «дубчекизму».

Адам Чернявский в письме ко мне пишет:

«Честно говоря, меня поражает сходство позиции „Культуры“ с позицией официальных органов ПНР: оказывается, что каждый поляк по духу — соцреалист. „Искусство служит народу“ — это лозунг весьма опасный».

С этим я полностью согласен. Но Чернявский не видит корней этого явления.

В годы моей ранней юности люди говорили о восстании 1863 г. как о вчерашнем дне. Я лично знал многих повстанцев. Затем наступила I Мировая война — Легионы Пилсудского — польско-советская война 1920 г. — короткий период независимости, над которой угрозы нависали со всех сторон, — и II Мировая война. Мы живем «на военном положении» на протяжении многих поколений. Военное положение означает, разумеется, всеобщую мобилизацию — включая и мобилизацию литературы. «Станет нам крепостью каждый порог» — это написал не кадровый военный, а профессиональная писательница Мария Конопницкая.

Если бы я дождался появления нормальной Польши — существующей в условиях внутреннего мира и без внешних угроз, — я первый добивался бы полной демобилизации литературы. В прошлом эта мобилизации, продолжавшаяся десятки лет, при-

вела к возникновению своего рода шизофрении. Параллельно существовали две Польши: одна из них, литературная, — величественная и порфиноносная, и другая — подлинная, тонущая в грязи и отсталости.

Расхождение между мной и Чернявским сводится к разнице поколений. Для молодежи это столетие 1863–1963 вовсе не представляет собой непрерывного целого, неразрывно связанного с собственным опытом. В результате молодежь не осознаёт, что тревоги никто не отменил, что военное положение по-прежнему продолжается.

В «Культуре» с самого начала мы стремились вырваться из этого заколдованного круга литературной Польши — потому что понимали, что польскую политику можно планировать только в реальной действительности, а не на бумаге. Эта реальная действительность — Народная Польша, коммунизм и геополитическая ситуация. Из этой-то глины нужно лепить образ будущей Польши — если этот образ должен быть правдоподобным и теоретически возможным. Эволюционизм, который исходил из предположения, что все, что произойдет в Польше, не исключая революции, будет вылеплено из глины, каковой является польская действительность, — в эмигрантских кругах был презрительно отброшен как «нигилистская» программа. Нас называли проповедниками мелкотравчатости.

Столкновение образа Польши, созданного на потребу литературе, с образом Польши, увиденным в его реальности и эволюции, было неизбежно.

За последние 30 лет Польша из проблемного государства, судьбы которого обсуждались во всех мировых столицах, превратилась в глухую, второразрядную провинцию. Это ощущение второразрядности и провинциальности в сопоставлении с образом Польши, унаследованным от литературной традиции, и приводит к утрате надежды и безразличию.

Из Польши происходит непрерывная утечка талантливых людей, но это ее интеллектуальное обнищание не сопровождается интеллектуальным обогащением эмиграции.

Должен признаться, что я все это представлял несколько иначе. Я полагал, что как чехословацкие, так и польские новые эмигранты — после пражской трагедии, после процесса «альпинистов» в Польше — примутся за какую-то конкретную политическую деятельность. У меня нет претензий к этим новым эмигрантам, которые сторонятся «Культуры». «Культура» не может быть неомарксистским изданием, потому что это рас-

сматривалось бы как политическая диверсия. Но почему же эти новые эмигранты, которые были связаны с коммунистической партией, не издают хотя бы своего ежеквартального журнала?

Дубчека вызвали из Анкары в Прагу. Почему Дубчек не вышел из самолета в Париже и не попросил политического убежища? Вокруг него сосредоточились бы все чешские эмигранты, потому что Дубчек, несмотря на все свои ошибки, сегодня превратился в своего рода легенду. Легендой стал и Лешек Колаковский — причем во всех странах «Восточного блока», включая СССР. Этих двоих, так неизмеримо разных, все же объединяет нечто весьма существенное. Оба они символизируют определенную политическую позицию.

И Дубчек, и Колаковский — это ревизионисты, сторонники «социализма с человеческим лицом», и оба за свои убеждения были исключены из своих партий.

Но можно отыскать и более глубокие аналогии. Оба упомянутых выше деятеля символизируют советский успех в невероятно важном деле. Советским руководителям не удалось искоренить ревизионизм, не удалось задуть в людях тоску по интеллектуальной свободе. Их успех коренится в другом.

С самого момента захвата власти советские руководители объявили войну эмиграции. Эта война проходила через различные этапы. Сегодня советские органы, как правило, эмигрантов не убивают и не похищают — но Москва выработала иной способ борьбы с ними. Каждый эмигрант, просто по определению, — диверсант, шпион и предатель. Антиэмигрантская идеология была привита всем странам-сателлитам советского блока. Кампания против польской эмиграции продолжается непрерывно уже четверть века.

Кто-то может сказать, что люди уровня Колаковского и Дубчека слишком умны, чтобы поверить в абсурдные утверждения антиэмигрантской пропаганды. Но в этом случае речь идет не о привычной клевете, а вещах гораздо более принципиальных.

Успех советской партучебы состоит в том, что ревизионисты (нередко крупного масштаба) усвоили догму, что эмиграция — это тупик и дорога в никуда. Поэтому, находясь в эмиграции, не следует предпринимать никаких действий — потому что любое эмигрантское начинание обречено на провал.

Излишне добавлять, что если бы Ленин и его приспешники рассуждали подобным образом, то никакой Октябрьской револю-

ции не случилось. Можно привести целый перечень переворотов и революций, которые брали свое начало в эмиграции.

Дубчек не выбрал свободу, потому что в результате пройденной им партучебы в нем укоренилось убеждение, что в эмиграции ничего нельзя *сделать*. Я уверен, что Ленин в подобной ситуации, наоборот, остался бы в эмиграции.

С одной стороны, с эмиграцией борются так, как будто она является четвертой мировой державой, а с другой — тысячам коммунистов вбивают в голову, что эмиграция — это ничтожество в политическом отношении. В этом нет логики, но в тоталитарных системах логика — это товар, пользующийся наименьшим спросом и ниже всего ценящийся.

Я хотел бы закончить эти рассуждения притчей о котлетах и демократии, которую я посвящаю тем читателям, которые обвиняют меня в склонности к однопартийной системе. Так вот, разница между окрошкой и демократией состоит в том, что для приготовления котлет существуют замечательные и точные кулинарные рецепты, а для демократии рецептов нет.

Давайте сделаем еще одно усилие, дорогой читатель, и рассмотрим следующую ситуацию. В условиях благоприятной политической конъюнктуры в Польше появляется партийный руководитель, который выдвигает лозунг, что раз уж партия не сумела изменить народ, то партия сама должна измениться. Отменяется цензура, народу представляют программу радикальных социальных и экономических реформ, восстанавливается система правосудия, гарантирующая личную свободу. Если описанные выше преобразования будут осуществлены быстро, без колебаний, от всего сердца — то партийный руководитель, стоящий во главе лагеря реформ, завоевал бы себе горячую поддержку почти всего населения. Если бы этот руководитель был еще и грамотным политиком и тактиком, то он, не ожидая, пока волна энтузиазма спадет, а реакция поднимет голову, в момент наивысшего воодушевления объявил бы всеобщие свободные выборы. В такой ситуации люди толпами голосовали бы не за партию, а за человека, который сбросил с них кандалы коммунизма и дал им возможность обнаружить лучшие стороны социализма. Я думаю, что самые честные, но проведенные именно в такой момент выборы принесли бы сокрушительную победу партии польского реформатора. Повторяю — в таких ситуациях люди голосуют за «героя», а тем самым за партию, которой он руководит. Если бы у Дубчека была возможность провести свободные выборы в тот момент, когда «пражская весна» достигла своего зенита, он одержал бы полную победу,

потому что за него голосовали бы почти все, а не только коммунисты и социалисты.

Как следует определить политическую систему, де-факто однопартийную, но возникшую в результате всеобщих и честно проведенных выборов?

Лично я поддержал бы польского реформатора, но воздержался бы от высказывания оценочных суждений, касающихся как его личности, так и польской демократии. Надо было бы выждать еще год-другой, чтобы убедиться, что реформатор не превратился в диктатора и держиморду.

Но предположим, что социализм человеческим лицом сдал бы экзамен. Предположим, что социалистическая система функционировала бы не только эффективно, но и к вящему удовлетворению большинства населения. Тогда социалисты на каждых очередных выборах получали бы подавляющее большинство мест в парламенте, вытесняя другие партии практически на обочину политического существования. Это тоже была бы демократия? Разве каждый социалист не мечтает о том, чтобы его партия в свободных выборах завоевала большинство в парламенте и создала социалистическое правительство? Разве цель социализма не социалистическое общество, которое голосовало бы не за национал-демократов, а всегда и исключительно за социалистов?

По моему глубокому убеждению, демократической следует считать такую политическую систему, которая наиболее полно реализует волю общества, выраженную в свободных выборах. Все остальное несущественно.

Демократия, как и все на свете, — это вопрос степени. Я склонен предполагать, что русские никогда не будут пользоваться такой свободой, как англичане. Но если бы в будущем русские создали систему, дающую им 40% той свободы, которой пользуется британский подданный, — это был бы гигантский шаг вперед.

Восточноевропейские демократии — если они когда-нибудь возникнут, в чем я не сомневаюсь, — будут в значительной мере отличаться от демократий западного образца, и было бы удивительно, если бы дело обстояло иначе. Быть может, англосаксы не признают этих систем полноценными демократиями. Но, как я заметил выше, подробные рецепты существуют только для приготовления котлет, а для демократии рецептов нет. Копирование чужих образцов никуда не приводит. Политиче-

ская система должна вырасти в поте лица, в борьбе и трудностях из отечественной почвы.

«Культура», 1970, №9 (276)

Перевод А. Бондарева.

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

Люциан Снядовер (Михал Соснович)

ЕЖИ ГЕДРОЙЦ И «КОНТИНЕНТ»

к десятилетию журнала «Континент» (22 июля 1984)

Когда меньше двух недель назад, 10 июля, всемирно известный кинорежиссер Андрей Тарковский заявил на пресс-конференции в Милане, что намерен остаться на Западе, рядом с ним на пресс-конференции были Мстислав Ростропович, виолончелист и главный дирижер Нью-Йоркского филармонического оркестра, Юрий Любимов, бывший главный режиссер Театра на Таганке, и Владимир Максимов, писатель, основатель и главный редактор эмигрантского литературного журнала «Континент». Все эти творцы русской культуры выехали из Советского Союза в течение последнего десятилетия и вместе со многими другими оказавшимися в эмиграции видными представителями русской литературы и искусства — назовем хотя бы писателей Василия Аксенова, Иосифа Бродского, певицу Галину Вишневскую, скульптора Эрнста Неизвестного — принадлежат к тому, что в интеллектуальной среде Запада называют кругом «Континента».

В редколлегии журнала мы находим и польские имена: Ежи Гедройц, Густав Герлинг-Грудзинский, Юзеф Чапский. «Континент» отмечает свой юбилей: первый номер ежеквартального журнала вышел ровно десять лет назад — недавно появился №40. И на этот раз, как почти в каждом номере, в нем напечатаны произведения польских авторов в переводе на русский язык. Это последние стихи Виктора Ворошильского в переводе Натальи Горбаневской и статья Адама Михника о вышедшей в Варшаве книге того же Ворошильского «Кто убил Пушкина?». Свою статью Михник написал в Мокотовской тюрьме, а польский оригинал ее опубликован в подпольном журнале «Критика».

Вот как видит «Континент» с польской точки зрения Ежи Гедройц, редактор парижской «Культуры» и основатель издательства «Институт литерацкий»:

— Десятилетие «Континента» — праздник, который нас особо касается, может быть, потому, что мы с ним связаны с начала его возникновения и несколько членов редакции и авторов

«Культуры» входят в состав редколлегии «Континента». То, что для нас важнее и интереснее всего, — что это первая группа русских, которая сумела найти силы на очень объективное отношение к польским делам — а это, особенно в последнее время, дело почти невозможное — и сумела произвести своего рода перелом в польско-русских отношениях, во всяком случае в определенных интеллектуальных кругах.

Журналу, кроме талантов редактора, выпало большое везенье, потому что затрагивать эти дела, столь раздражительные, в русских условиях очень трудно. Надо вспомнить хотя бы историю «Колокола» Герцена, который был чрезвычайно пропольским и пользовался огромным авторитетом и популярностью в России. Но как только «Колокол» занял позицию поддержки восстания 1863 года, тогда он для российской общественности «кончился» и уже никогда больше не смог вернуться к роли, которую играл прежде. Если говорить о Максимове, то такого рода остракизма не было, но я сказал бы, что круг людей, разделяющих его взгляды, весьма расширился. Может, это еще и влияние Солженицына, который здесь с самого начала занял весьма ясную позицию.

Кроме польского вопроса, такая лакмусовая бумажка, и весьма существенная, — отношение «Континента» к Украине. Украинский вопрос всегда был и остается крайне щекотливым для России, которая считала украинцев составной частью русского народа. Следует не забывать, что договор Петлюры с Пилсудским был крайне непопулярен. Те русские, что поддержали эту концепцию, в том числе Савинков и Философов, во мнении русской эмиграции стали людьми конченными. «Континент» первым поставил вопрос о независимости Украины — о том, чтобы допустить мысль о независимости Украины. И это тоже как-то не натолкнулось на особое сопротивление, скорее наоборот: я сказал бы, что эта концепция начинает обретать все больше сторонников.

Интересное наблюдение высказал в связи с юбилеем «Континента» известный французский специалист по русской литературе **Жорж Нива**. Французы, говорит он, как будто уже позабыли, что такое литературный журнал, ежемесячный или ежеквартальный, — журнал, которого ждут, в котором регулярно встречаются знакомые имена и реагируют на эти имена так же эмоционально, как на встречу с живыми людьми. «Континент» — как раз такой журнал. Французские читатели позабыли о литературно-общественной периодике, так как все главные споры эпохи перешли в другие СМИ, прежде всего на телевидение. Русские подобными возможностями не

располагают, поэтому их эмигрантские журналы так живы, полны полемики и острых дискуссий.

Упомянутое мною вначале явление так называемого круга «Континента» — это нечто совершенно исключительное. Как получается, что «Континент» притягивает видных представителей культуры? На этот вопрос отвечает **Наталья Горбаневская**, заместитель главного редактора журнала, поэтесса, переводчица польской поэзии и прозы на русский язык:

— За десять лет своего существования «Континент» действительно стал не только журналом, но целым учреждением, хотя учреждение это состоит практически из двух человек, работающих в редакции: Максимов да я. Но главная в этом, на мой взгляд, заслуга очень сильной личности Владимира Максимова. Поляки, приходившие к нам в редакцию и разговаривавшие с Максимовым, всегда выходили увлеченные этим человеком. И еще естественней, что к нему льнут представители русской художественной интеллигенции на Западе. Это такой человек, который не занимается только и исключительно редакционными делами: он выслушает каждого — и какую-нибудь знаменитость, и никому неизвестного свежего беженца, у которого свои трудности. И каждому стремится помочь. Людей, в том числе, разумеется, пишущих, притягивает к «Континенту» скорее этот человеческий аспект. Думаю, что, не будь «Континента», скульптор Эрнст Неизвестный, наверно, не взялся бы написать книгу своих воспоминаний, фрагменты которой публиковались в нескольких номерах журнала. Неизвестный — старый друг Максимова, и Владимир Емельянович просто уговорил его писать — это его заслуга. Вообще ничего удивительного, что вокруг «Континента» собираются не только писатели, заинтересованные тем, чтобы напечататься, но вообще художники такого класса, как Мстислав Ростропович, Андрей Тарковский, Юрий Любимов.

Постскриптум 2006 года: *Интересно отметить, что Гедройц, когда я к нему пришел, сказал, что впервые в жизни дает радиointервью. Согласился он на это интервью из-за темы, которую считал очень важной.*

УЛБ, СНГ, ЕС

Тем, кто, как говорится, вскормлен парижской «Культурой» (а это не только поляки), сочетание букв УЛБ кажется азбучно простым, как «Мама мыла раму» из русского букваря или «Ala ma kota» — из польского.

УЛБ, то есть Украина — Литва — Белоруссия: их свобода, по концепции Гедройца—Мерошевского, обеспечит и свободу России и Польши, избавленных от соблазна покушаться на их территорию и в результате сталкиваться лбами. Стоит, может быть, вспомнить, что в момент появления эта «азбучная» концепция была революционной, для многих прямо неприемлемой, а из тех, кто потом на ней вскармливался, далеко не все доросли тогда до букваря.

Я могу уже не обсуждать эту концепцию, правота которой подтвердилась у нас на глазах. Позволю себе обратиться к сугубо личным воспоминаниям о временах накануне распада Советского Союза.

Если считать, что большинство русских так или иначе чаяло краха коммунизма, то крах Советского Союза (ну, может быть, за исключением отделения прибалтийских республик) в чаяния этого большинства не входил — был по меньшей мере непредставим, а для иных и нестерпим. Я принадлежала к явному меньшинству: для меня распад СССР был давним чаянием, не менее важным, чем падение коммунизма как такового. Он означал в моих глазах прежде всего освобождение России: вместе с освобождением от коммунизма — избавление от груза империи, груза настолько — даже материально — тяжелого для «имперской нации», что, например, колхозники из Великолукской области ходили за продуктами в соседнюю Белорусскую ССР: в советской России 80-х годов вместо дотаций на продукты, дававшихся в других союзных республиках, вводились карточки на те же продукты, стыдливо называвшиеся талонами (например по 300 или даже 200 граммов масла в месяц). Впрочем, талоны давали в больших городах, а сельское население изворачивалось как могло. И не так уж много русских областей граничили с другой республикой.

На мой взгляд, России вдобавок важно было избавиться и от психологического груза империи, то есть от имперского созна-

ния. (Странным образом, уже в нашем веке это сознание — не без подсказок сверху и с разных боков — увы, возрождается.)

Когда в многочисленных интервью подпольным изданиям, которые я давала, оказавшись в Польше в 1988 г., еще до падения «коммуны», поляки спрашивали меня: «А что же делать России?» — причем под Россией они явно разумели СССР, я неизменно отвечала: «Выйти из состава Советского Союза», — и тем самым не только давала ответ на вопрос, но еще и исправляла постановку вопроса. Проводила то различие между Россией и Советским Союзом, которое, можно сказать, было на знамени и «Культуры», и нашего «Континента», а к тому времени стало уже очевидным для широких кругов и в Польше, и у меня на родине.

В моем домашнем кругу, в центре которого кроме меня находились мой старший сын Ярослав и наш общий друг Анатолий Копейкин, мы задолго до Беловежского соглашения сочиняли планы — утопические, но увлекательные — возникновения новых государств на прежней территории. Или скорее возрождения старинных государств на существующей территории. Государств, как сейчас помню, было три: Новгородская республика, Великое княжество Литовское и Хазарский каганат. То есть на самом деле никакого УЛБ: Хазарский каганат шел от Заволжья по крайней мере до Киева (не зря же князь Владимир носил титул кагана), Новгородская республика (с Москвой и Петербургом, Вологдой и Архангельском) знаменовала благотворное ограничение русских земель, а Великое княжество Литовское включало, как ему и положено, какие-то польские земли, Белоруссию, Западную Украину (Одессу мы, подумав, отдали Израилю). Впрочем, светил еще один вариант: восстановление Австро-Венгрии, которой можно было бы отдать Галицию и даже Малопольшу. Хорошая была когда-то держава: с середины XIX века никого особо не угнетала, разным нациям в ней жилось привольно.

Нас, предававшихся этим приятным химерам на парижской улице Гей-Люссака, не связывали Хельсинкские соглашения, требовавшие неизменности границ в Европе. Скоро, впрочем, оказалось, что они никого не связывают. От выхода Литвы из состава СССР до недавнего отделения Черногории от «Сербии и Черногории» все страны, подписавшие некогда Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, одно за другим признавали возникающие государства, разве что за исключением нескольких, так и сохранивших титул «самопровозглашенных», вроде Приднестровской республики и Нагорного Карабаха.

Конечно, самым важным шагом на этом пути стал роспуск СССР, то есть предоставление независимости всем оставшимся (уже без Прибалтики) советским республикам с объединением их в Содружество независимых государств, СНГ, еще одно буквенное сокращение, которому теоретически предстояло большое будущее. Увы, как мы видим сегодня, не оправдавшееся.

Наши друзья, приезжавшие еще из Советского Союза, но предчувствовавшие его конец (уже Россия и Украина объявили себя суверенными, хотя еще не решились произнести «независимыми», а это ведь синонимы), со страхом спрашивали: «А как же мы будем ездить в Крым?» — «А как мы ездим по всей Европе? — отвечали мы. — Да еще с нашими беженскими бумагами. И никаких виз с нас не требуют...» Идеальное СНГ можно было себе вообразить как аналог Евросоюза тех времен: экономическое сотрудничество, отмена пограничных и таможенных барьеров и вдобавок содружество не только независимых, но и свободных и демократических государств. Но... «мертвый хватает живого», и советское прошлое аукнулось и в Средней Азии, и в Белоруссии, да и в других странах Содружества, ныне на наших глазах скукоживающегося, если не отмирающего, а отчасти превращающегося в Совражество.

Может, быть не стоит придавать такого значения любым буквенным сокращениям? Тут, согласно названию моих вольных размышлений, я подхожу к последнему — ЕС, Евросоюзу, членом которого в числе 12 стран не так давно стала и Польша. Есть чем гордиться и чему радоваться. Лишь бы, вперив взор в сияющие на небосклоне буквы ЕС в окружении 25 звезд, не забывать, условно говоря, об УЛБ. Условно, потому что Украину поляки не забывают, как показала «оранжевая революция» — и характерно, что посредниками в урегулировании конфликта выступил не только президент Польши, но и президент Литвы, нашего «Л», тоже тогда новоиспеченного члена ЕС. Не забывают и Белоруссию, о чем свидетельствует хотя бы нынешняя конференция, да и не только она. Об Украине и Белоруссии представители Польши напоминают в рамках различных европейских структур, подталкивая если не к действиям, то хотя бы к декларациям более инертные западные державы. Все это свидетельствует, что наследие Ежи Гедройца, наследие более чем полувековой истории «Культуры», усвоено. Усвоено, но развито ли?

К востоку от УЛБ лежит пространство, на котором оттенки свободы и несвободы чередуются иногда до угрожающих размеров. Диктатура Лукашенко — ничто перед диктатурой Туркменбаши, разгон демонстраций в Минске бледнеет перед Андижа-

ном, а если пойти еще дальше на восток, то мы дойдем до коммунистического Китая с его лагерями и показательными смертными казнями и до страны-концлагеря, называемого Корейской Народно-демократической Республикой. И на том же пути — по-прежнему коммунистические Лаос и Вьетнам, а между тем в Польше беглецам из Вьетнама, людям, подвергавшимся на родине политическим преследованиям, отказывают в статусе политического беженца и грозят высылкой на эту самую родину. Это, правда, история прошлогодняя — хочу надеяться, что ныне она решилась или решится в благоую сторону.

Можем ли мы чувствовать себя вполне свободными, когда другие — в том числе целые народы — сидят в тюрьме? Найдем ли мы в себе силы переадресовать им старый лозунг «За вашу и нашу свободу»? И сделать хотя бы малый шаг к реальному расширению их, а значит, и нашей свободы?

Восстановленный и существенно расширенный текст импровизированного (и не записанного) выступления.

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Папа Бенедикт XVI в концлагере Аушвиц-Биркенау: «В месте, подобном этому, слова оказываются бесполезными, и в злоеющей тишине сердце взывает к Богу: „Господи, почему Ты молчал? Почему Ты допустил все это?“ (...) Я прихожу сюда (...) как преемник Иоанна Павла II и в то же время как сын немецкого народа — того народа, из которого вышла группа преступников, пришедшая к власти с помощью призрачных обещаний величия, восстановления чести и значения страны. Рисуя перспективы благосостояния, они не останавливались перед террором и запугиванием, чтобы воспользоваться народом как орудием своей жажды разрушения и власти (...) Сколько вопросов возникает в этом месте! Но снова и снова возвращается один: „Где был Бог в те дни?“ (...) Место, где мы стоим, — это место памяти, место Шоа (...) Я прошел вдоль плит, которые на разных языках напоминают о жертвах этого места (...) На одной из них — надпись на иврите. Властители Третьего Рейха хотели полностью истребить еврейский народ, стереть его с лица земли (...) Уничтожая Израиль, они хотели в конечном итоге вырвать корни христианской веры и заменить ее созданной ими верой в господство человека — сильного человека. Есть тут и плита с надписью на польском языке. С самого начала нацисты пытались истребить прежде всего интеллигенцию, чтобы таким образом уничтожить народ как самостоятельный исторический субъект, чтобы превратить его — если от него еще что-то останется — в народ рабов (...) Есть также плита на русском языке, которая увековечивает память бесчисленного множества русских солдат, павших в борьбе с национал-социалистическим режимом. Однако эта плита заставляет нас задуматься и о трагической двойственности их миссии: освободив народы от одной диктатуры, они стали орудием, с помощью которого те же самые народы были ввергнуты во власть новой диктатуры — диктатуры Сталина и коммунистической идеологии». («Ты-годник повсехный», 4 июня)

• «На вчерашней генеральной аудиенции Папа Бенедикт XVI поблагодарил поляков за теплый прием во время его визита в Польшу (...) Больше всего места в своем выступлении он уделил посещению гитлеровского концлагеря Аушвиц. Бенедикт XVI призвал человечество не забывать об этих испытаниях и пре-

достерег от соблазна расовой ненависти, порождающей антисемитизм». («Дзенник», 1 июня)

• Президент Лех Качинский: «Моя встреча с президентом Украины Виктором Ющенко в Павлокоме имеет огромное значение (...) В 1945 г. эта деревня стала местом особенно трагических событий. Отсюда была похищена группа поляков, которых затем убили и похоронили в неизвестном месте. Спустя несколько недель польские вооруженные формирования истребили большинство украинских жителей Павлокомы. Преступление на целые десятилетия окружили завесой молчания, а жертвам так и не поставили крестов, лишив их молитв близких. Павлокома стала для украинцев символом трагедии их народа (...) Мы должны открыто говорить о болезненном и трудном прошлом, шаг за шагом вырабатывая единую, справедливую оценку всех военных трагедий — и польских, и украинских (...) Пожалуй, лучше всего совместные достижения поляков и украинцев были видны на киевском Майдане Незалежности, где в „оранжевой“ толпе рядом развевались украинские и польские флаги, а на наш голос солидарности Майдан ответил возгласом: „Хай живе Польща!“ Этого из нашей истории уже не вычеркнуть». («Дзенник», 13–14 мая)

• «В воскресенье президент Виктор Ющенко почтил память жертв коммунистических преступлений в Быковне под Киевом (...) В Быковне покоятся около 100 тысяч человек, расстрелянных в 1937–1941 годах. Похоронены там и убитые НКВД польские офицеры, попавшие в советский плен в 1939 году. Киев сообщил польскому Институту национальной памяти (ИНП), что в Быковне обнаружены останки 270 наших офицеров (...) В середине июня наши специалисты начнут в Быковне эксгумационные работы». («Газета выборча», 22 мая)

• «Служба безопасности Украины (СБУ) (...) будет искать в своих архивах документы, которые позволили бы выяснить судьбу польских офицеров, расстрелянных НКВД на территории Украины (...) Речь идет о 3435 поляках, которых в марте 1940 г. вывезли из тюрем на Западной Украине в направлении Киева и Херсона». («Газета выборча», 8 июня)

• Стефан Меллер, бывший посол Польши в Москве, бывший министр иностранных дел: «Вопреки тому, что мы иногда слышим от россиян, нет ни одного разумного поляка, который, говоря о катынском преступлении, обвинял бы в нем русских как народ. Мы знаем и не устаем повторять, что ответственность за него несет тогдашняя структура тоталитарного государства. Я считаю, что несогласие Москвы с предлагаемой Польшей формулой осуждения катынского преступления вредит планам де-

мократизации России. Абстрагируясь от двусторонних отношений между нашими странами, такое замалчивание правды засоряет российское мышление о собственной истории и затрудняет бегство от проклятого для всех нас — поляков и россиян — наследия коммунистических преступлений. До тех пор, пока это не изменится, отношения между Польшей и Россией будут дестабилизировать не только газопровод по дну Балтийского моря, но и пропасть в учебниках истории и в памяти польских семей». («Дзенник», 24 мая)

- «На территории Польши находится 638 зарегистрированных кладбищ, а также братских и одиночных могил красноармейцев, погибших во время II Мировой войны. По польским данным, в них покоятся 488 тыс. солдат и офицеров, павших в бою, и 800 тысяч замученных в лагерях для военнопленных. По мнению россиян, в Польше похоронены 600 тыс. солдат, погибших в бою, и более 700 тыс. военнопленных. Однако, независимо от источников, данные эти носят в основном оценочный характер и потому в Польше сопровождаются комментарием: „плюс неизвестное число”. Это касается прежде всего военнопленных». (Мартин Огдовский, «Политика», 27 мая)

- «Польские дипломатические источники подтверждают: (...) в Варшаву действительно поступило предложение провести встречу Качинского и Путина у президента Белоруссии Александра Лукашенко (...) Заместитель главного редактора „Новой газеты” Андрей Липский (...) комментирует сообщение о российском предложении однозначно: „Если оно подтвердится, это может означать только одно: Кремль не слишком вежливо отказывает польскому президенту во встрече” (...) Подобным образом думает и публицист (...) газеты „Коммерсант” Сергей Строкань: „По-видимому, Кремль не желал этой встречи”». («Жечпосполита», 26 мая)

- Президент [Лех Качинский] подтвердил факт получения от Владимира Путина письма, в котором тот предлагает встретиться на нейтральной территории, т.е. в лукашенковской Белоруссии (...) По мнению президента, предложение встретиться в Белоруссии «неприемлемо». («Газета wyborча», 1 июня)

- «Более двадцати ракетных комплексов С-300, которые Россия передала Белоруссии и которые в ближайшие недели будут размещены непосредственно за нашей восточной границей, должны стать эффективной защитой от воздушной атаки „с Запада” — т.е. с территории Польши (...) Решение передать Белоруссии ракетные комплексы прекрасно вписывается в международную стратегию Москвы (...) Примером может послужить недавнее заявление министра обороны России Сергея Иванова, сообщив-

шего о намерении существенно усилить российские вооруженные силы в Калининградской области. Все это создает впечатление, что за нашей восточной границей снова берет верх тон „холодной войны”». (Славомир Поповский, «Жечпосполита», 7 мая)

- «Почти 9 тыс. солдат и офицеров из Белоруссии и России примут участие в запланированных на 17–25 июня учениях (...) Эти учения пройдут прямо за нашей восточной границей (...) На заключительном этапе за ходом учений будут наблюдать президенты России и Белоруссии Владимир Путин и Александр Лукашенко». («Жечпосполита», 10–11 июня)

- «Президент Литвы наградил маршала Сената Богдана Борусевича большим командорским крестом ордена великого князя Литовского Гедиминаса. Президент Адамкус подчеркнул заслуги одного из бывших лидеров „Солидарности” в деле поддержки литовского стремления к независимости, а также его личный вклад в укрепление литовско-польских отношений». («Газета wyborча», 22 мая)

- «Вчера в полдень президент Лех Качинский неожиданно провел незапланированное заседание Совета национальной безопасности. Президент, премьер-министр, маршалы Сейма и Сената, а также министры внутренних дел и обороны обсуждали вопрос энергетической безопасности Польши (...) Сразу же после заседания совета президент вылетел в Киев (...) в качестве специального гостя встречи в верхах президентов Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии (...) Речь должна была идти о защите от энергетического шантажа России. Польша заинтересована в строительстве трубопровода Одесса—Броды, по которому к нам будет поступать нефть из черноморских портов в обход России». («Дзенник», 23 мая)

- Министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк: «Лучшая гарантия стабильности Европы — это конструктивное сотрудничество между Францией и Германией на западе и Польшей и Украиной на востоке». («Дзенник», 15 мая)

- «„Все, что препятствует добрососедским отношениям Польши с Германией, деструктивно для Европы”, — сказал Лех Качинский (...) Стоя в Варшаве рядом с немецким президентом Хорстом Кёлером, он назвал два вопроса, „по которым наши мнения расходятся”. Это строительство „Центра против изгнаний” и договор о строительстве Северного газопровода по дну Балтийского моря в обход Польши». («Дзенник», 19 мая)

- «115 полицейских отправились из Слупска в Косово в рамках миротворческой миссии. Поляки будут, в частности, охранять и конвоировать людей и спецгрузы, а также преследовать военных преступников и бандитов». («Дзенник», 29 мая)

- «На сегодняшний день в Афганистане служат 14 польских спецназовцев из военной жандармерии, в Ираке — 23, в Боснии — 30. В Ираке они обеспечивают безопасность польских военных баз, в Боснии — охраняют при перевозках военную технику, а также инспектируют склады оружия и боеприпасов. В конце июня 101 жандарм отправится в Конго (...) чтобы обеспечивать безопасность во время первых за последние 40 лет свободных парламентских и президентских выборов, а также охранять командование миссии (...) В случае беспорядков они должны пресекать их. В случае гражданской войны их задачей будет эвакуировать международный персонал, в т.ч. наблюдателей ООН и ЕС». («Изабела Лещинская, «Дзенник» 7 июня)

- «В ходе военных миссий за пределами Польши ранения получили уже более 700 военнослужащих. 70 из них были ранены в Ираке, в т.ч. 45 — тяжело. После возвращения им пришлось вести еще один бой — за возмещение вреда при повреждении здоровья. Теперь они требуют права на бесплатные лекарства». («Дзенник», 27-28 мая)

- Согласно исследованиям ГфК «Полония», «в прошлом году покупательная способность польского общества выросла на целых 10% (...) Больше всего на покупки и услуги тратят жители Варшавы — на 58% больше, чем в среднем по стране (...) Беднее всех гмины Коваль, Целёндз и Сырокомля в Люблинском воеводстве. Живущие там люди тратят в два раза меньше, чем среднестатистический поляк». («Дзенник», 9 июня)

- «Каждая четвертая полька зарабатывает больше, чем ее партнер. Каждый двадцатый поляк сидит дома и нянчит детей. Уже второе поколение польских женщин образованно лучше мужчин: женщины чаще получают степень магистра (...) Польки пытаются преодолевать стереотипы, связанные с их полом, все более охотно выбирая учебу на экономических (в три раза чаще, чем 30 лет назад) и технических (в четыре раза чаще) направлениях (...) Смена ролей в современной семье идет без особых проблем до тех пор, пока жена не начинает зарабатывать больше мужа. Он переносит такое положение исключительно тяжело». (Мартина Бунда, «Политика», 10 июня)

- Согласно опросу ЦИОМа, «более половины поляков (57%) заявляют, что у них есть расчетный счет в банке (...) 52% опрошенных считают, что на протяжении последних 16 лет банки

способствовали развитию польской экономики (...) В том, что деньги, положенные в банк, находятся в безопасности, убеждены почти три четверти поляков (74%) (...) Каждый второй считает, что польские банки хорошо управляются». («Политика», 10 июня)

- «Специалисты Института изучения рыночной экономики (ИИРЭ) утверждают, что польские потребители не обременены долгами сверх меры (...) Чрезмерно обременены долгами (т.е. испытывают проблемы с погашением кредита) около 290 тыс. человек. Несмотря на оптимистические данные специалисты института считают, что необходим закон о потребительском банкротстве. „Отсутствие решений по этому вопросу может привести к общественной изоляции тех, кто не в состоянии выбраться из долговой ловушки”, — подчеркнул зам. директора ИИРЭ проф. Лешек Павловя. По его мнению, общество спокойно относится к погашению долгов честных должников, которые попали в долги не по своей вине». («Дзенник», 2 июня) Никита, м.б. лучше Павловья?

- «В прошлом квартале биржевые фирмы заработали 6 млрд. злотых, т.е. почти на 14% больше, чем в тот же период прошлого года. Судя по прогнозам, их показатели будут еще лучше (...) Это свидетельствует о хорошем состоянии польской экономики». («Жечпосполита», 19 мая)

- «Согласно отчету Всемирного банка, в 2005 г. польский ВВП вырос лишь на 3,4%. По мнению аналитиков ВБ, это значительно ниже ожиданий рынка. По этому показателю Польша заняла последнее место среди новых стран-членов ЕС. Однако экономика ускоряется, и эксперты предсказывают, что в этом году нас ждет дальнейшее оживление». («Дзенник», 31 мая)

- «По мнению председателя Общества пекарей РП Леха Ендрыки, „в течение нескольких лет могут обанкротиться 30–40% самых маленьких пекарен (...)”. За последние девять лет потребление хлебобулочных изделий сократилось в Польше на 20% (...) По разным оценкам, теневой сектор в хлебобулочной промышленности достигает 30%. Хлеб пекут в гаражах и хозяйственных постройках, а его качество оставляет желать лучшего. Однако многие покупают его, так как это дешево (...) Уже несколько лет пекарням приходится конкурировать с торговыми сетями. „По меньшей мере 12% хлебобулочных изделий продают гипермаркеты (...) Хлеб там дешевый. К сожалению, часто низкая цена оборачивается плохим качеством”, — говорит [директор Института «Польская выпечка»] Гжегож Новаковский. Более доходным, чем хлебопечение, становится производство тортов,

пирожных и сладких булочек». (Беата Древновская, «Жечпосполита», 2 июня)

- «По данным министерства труда и социальной политики, в мае уровень безработицы в Польше составил 16,5%. По сравнению с апрелем он снизился на 0,7% (...) Это лучший показатель за последние три года. С начала года число безработных уменьшилось на 188,5 тыс., т.е. на 6,8%». («Жечпосполита», 7 июня)

- «Уже почти 700 тыс. молодых поляков выехали за границу из-за невозможности найти работу на родине (...) В 2003 г. уровень безработицы составлял 19,1%, в 2005-м — 17,6%, а в конце этого года, по прогнозам министерства труда и социальной политики, он составит 16,9% (...) В настоящий момент в центрах занятости зарегистрированы 2,7 млн. человек (...) По некоторым оценкам, целых полтора миллиона безработных на самом деле работают нелегально. Легальная работа, за которую они будут получать на руки меньше, чем сейчас, их не слишком интересует. Статус безработных нужен им, чтобы лечиться». («Политика», 27 мая)

- Согласно последнему отчету британского МВД об использовании иностранной рабочей силы, по сравнению с британцами поляки отличаются «более высокой мотивацией, надежностью и преданностью работе». Эмигранты из Восточной Европы «охотно соглашались на более продолжительный рабочий день, а работают более эффективно». В час они зарабатывают 5–6 фунтов. Восемь из десяти приезжающих в Великобританию поляков моложе 32 лет. 97% из них работают на полную ставку. (Мартин Дубинец, «Дзенник», 30 мая)

- «Гражданская служба, т.е. корпус высококвалифицированных аполитичных служащих, лояльных государству, а не правящим партиям, должна была стать одной из основ нашей демократии (...) В этом году число желающих получить статус чиновника гражданской службы резко упало [в два раза по сравнению с прошлым годом], так как люди видят, что путь к карьере лежит через политические салоны, а не через трудные экзамены». (Кшиштоф Собчак, «Жечпосполита», 5 июня)

- «Центральное следственное управление (ЦСУ) задержало нескольких высокопоставленных чиновников министерства финансов (в т.ч. двух бывших директоров департаментов) и начальника одного из налоговых управлений. Они обвиняются в получении взяток за невзимание налогов и неформальные финансовые консультации». («Тыгодник повшехный», 28 мая)

• «Коррупция — это бич Польши. Особенно страдают от нее предприниматели (...) Новым оружием государства должно стать Центральное антикоррупционное управление (ЦАУ). Однако закон о ЦАУ (...) лишь усугубит проблему, — предостерегает от имени предпринимателей председатель Business Center Club Марек Голишевский. — Если государственная власть не доверяет полиции, прокуратуре, пограничной охране, таможенной службе, налоговым структурам, Центральному следственному управлению, Агентству внутренней безопасности и Высшей контрольной палате, то пусть она (...) ликвидирует эти институты и создаст новые контрольные структуры (...) Включая ЦАУ в уже существующие структуры, власти создадут ужасный и совершенно ненужный хаос (...) Закон говорит о компетенциях ЦАУ лишь в общих чертах, не уточняя, какие действия и в каком объеме оно должно предпринимать (...) Законопроект предусматривает предоставление сотрудникам ЦАУ полномочий, которые вторгаются в сферу гарантируемых конституцией свобод и гражданских прав (...) Удивление и сомнение вызывает право ЦАУ распоряжаться (...) персональными данными граждан (...) касающимися расы, политических взглядов, вероисповедания, сексуальной ориентации и т.п.». («Ньюсуик-Польша», 11 июня)

• «По данным Всемирного банка, в среднем судебное разбирательство длится в Польше почти 1000 дней. Это в двадцать раз дольше, чем в Голландии, и в пять раз дольше, чем в Германии (...) Вчера отчет ВБ был передан министру юстиции Збигневу Зёбро. „Все замечания банка будут приняты во внимание. Мы планируем существенно изменить экономическое законодательство”, — заверил министр». (Лешек Костшевский, «Газета wyborча», 1 июня)

• «Ни президент, ни премьер, ни маршал Сейма не явились вчера на торжества в честь 20-летия Конституционного суда. Суд навлек на себя гнев „Права и справедливости” (ПиС), признав неконституционными несколько положений дополнения к закону о Всепольском совете по телевидению и радиовещанию, а также закона о юридических профессиях. Оба закона были любимыми детищами правящей партии». («Газета wyborча», 30 мая)

• «Папа Бенедикт XVI встретился вчера с судьями Конституционного суда. Папа поблагодарил их за „созидание пространства свободы и справедливости” (...) Незадолго до встречи нунций [архиепископ Юзеф Ковальчик] поблагодарил судей за „укрепление авторитета правового государства”». («Газета wyborча», 27-28 мая)

- Согласно опросу ЦИОМа, в начале июня за «Гражданскую платформу» (ГП) проголосовал бы 31% избирателей, за ПиС — 26%, за «Самооборону» и Союз демократических левых сил (СДЛС) — по 7%, за «Лигу польских семей» (ЛПС) и аграрную партию ПСЛ — по 3%. Избирательный барьер составляет 5%. В голосовании намерены участвовать 48% взрослых поляков. («Жечпосполита», 10–11 июня)

- Председатель Конституционного суда проф. Марек Сафьян: «В ходе преобразований, начавшихся после 1989 г., нам так и не удалось убедить общество, что теперь мы живем в собственном государстве, о котором надо заботиться, за которое мы несем ответственность (...) Вероятно, это результат ошибок, допущенных в начале 90-х. Я и сам себя виню, поскольку тогда был убежден, что достаточно создать сильные демократические институты и механизмы — и действительность изменится чуть ли не в один день. Между тем это долгий процесс, в ходе которого нужно воздействовать на человеческое сознание и показывать выгоды демократии (...) Спор о том, может ли существовать в Польше либеральная демократия — это по сути дела спор об активности гражданского общества. Невозможно построить демократию, если общество будет пассивно». («Политика», 3 июня)

- «История армян в Польше насчитывает уже почти 700 лет (...) Начавшаяся в Средние века миграция армян закончилась лишь в период утраты Польшей независимости. Спустя двести лет, в последнее десятилетие XX века, мы вновь стали свидетелями массового наплыва в нашу страну армянского населения (...) По разным оценкам, число армян, приехавших в Польшу в этот период, составляет от 50 до 100 тыс. человек. Одним из аспектов столь мощной волны миграции стали напряженные отношения между приезжими и поляками (...) Конфликты, никогда не выходившие за пределы локальных сообществ, как правило возникали на почве экономической конкуренции. Однако за последние несколько лет не было отмечено ни одного конфликта, сторонами которого были бы армяне и поляки. Затухание конфликтов связано как с интеграцией армян в польское общество, так и с большей терпимостью обеих сторон друг к другу». (Павел Нечуя-Островский, «Бунт молодых духом», март–апрель)

- «Польские татары празднуют 80-летие Мусульманского религиозного объединения. На юбилейные торжества прибыли представители исламских государств со всего мира (...) Мусульманское религиозное объединение было основано в Вильне в 1925 году. Почетным покровителем юбилея стал маршал Сейма

Марек Юрек. 8 июня в Сейме откроется выставка „Мусульмане Речи Посполитой”». («Жечпосполита», 3-4 июня)

- «Впервые за последние полвека в Варшаве проходит конференция раввинов (...) 25 раввинов — прежде всего из Центральной Европы (Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Германии), а также из Великобритании, скандинавских стран и Израиля — собрались на конференцию в синагоге Ножиков». («Жечпосполита», 22 мая)

- «В парке между Дворцом культуры и Свентокшиской улицей открылся памятник великому педагогу и писателю Янушу Корчаку (...) Место установки памятника неслучайно. До войны здесь проходила Слиская улица, где стояло здание, ставшее последним пристанищем „Дома сирот” Старого Доктора, как называли Корчака его воспитанники. Отсюда в августе 1942 г. он отправился со своими детьми на Умшлагплац, откуда все они были отправлены в газовые камеры Треблинки (...) На открытии памятника присутствовали не только президент Польши Лех Качинский и и.о. президента [мэра] Варшавы Мирослав Кохальский, но и более сотни детей из школ имени Корчака со всей Польши». (Кшиштоф Махоцкий, «Жечпосполита», 2 июня)

- «В субботу вечером в центре Варшавы главный раввин Польши Михаэль Шудрих подвергся нападению с применением газового баллончика. Нападавшего ищет вся варшавская полиция». («Жечпосполита», 29 мая)

- Председатель еврейской религиозной общины Варшавы Петр Кадлицик: «Не думаю, чтобы это была антиеврейская провокация. Скорее всего это просто хулиганская выходка. Это сделал человек, который чувствует, что польское общество допускает подобные вещи. На протяжении последних десяти дней члены нашей общины получали эсэмэски с угрозами. К счастью, этим делом всерьез занялись правоохранные органы». («Жиче Варшавы», 29 мая)

- Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: «Когда-то в Варшаве жило 420 тыс. евреев и было много синагог. Теперь здесь живет всего тысяча евреев, у которых есть одна синагога и один раввин. И тем не менее кто-то на него напал». («Дзеник», 29 мая)

- «В понедельник Михаэля Шудриха пригласил в Президентский дворец Лех Качинский. „Президент осудил любые проявления антисемитизма и заверил, что обратится к министру внутренних дел Людвигу Дорну с просьбой взять под контроль

места, важные для лиц еврейской национальности”, — сказал статс-секретарь Канцелярии президента Мацей Лопинский (...) „Я решил создать при криминальном отделе постоянную группу по выявлению опасностей, грозящих национальным и религиозным меньшинствам”, — заявил главный комиссар полиции Марек Беньковский». («Дзенник», 30 мая)

• «В Польше пропаганда антисемитизма остается безнаказанной. Прокуроры регулярно отказываются возбуждать дела по статьям 256 и 257 УК, что на практике сделало эти статьи мертвыми. Такой тезис ставит общество „Открытая Речь Посполитая” в докладе „Факт преступления не установлен. Отношение прокуроров к сообщениям об антисемитских публикациях”. В докладе анализируются четыре решения прокуроров отказать в возбуждении уголовного дела или прекратить дело в отношении лиц, пропагандирующих антисемитские взгляды и распространяющих литературу, оскорбительную для евреев, а также призывающую к ненависти в отношении евреев. Авторы брошюры упоминают (уже без подробного анализа) еще о нескольких подобных решениях. С другой стороны, им так и не удалось обнаружить ни одного случая предъявления обвинений на основании статей 256 и 257 УК». (Анджей Качинский, «Жечпосполита», 1 июня)

• «До вчерашнего вечера в разных частях Польши были задержаны четыре человека, сотрудничающих с организацией „Кровь и честь”, которая на своем интернет-сайте разместила данные лиц из левых, антифашистских и антирасистских кругов (...) Несколько дней назад в варшавском районе Повисле был избит и ранен ножом активист анархистского движения, чьи данные тоже были на этом сайте. Сайт все еще работает. Он размещен на сервере в США. Польский МИД уже обратился к американским властям с просьбой блокировать его». («Газета wyborча», 1 июня)

• «Полиция задержала 37-летнего Анджея П., модератора польского сайта „Redwatch”, на котором были размещены данные антифашиста, получившего ножевое ранение (...) Прокуратура (...) предъявила ему обвинение в редактировании сайта „Redwatch”, в призывах к насилию и ненависти на расовой, религиозной и мировоззренческой почве, а также в нарушении закона о защите персональных данных». («Жечпосполита», 2 июня)

• «Продолжается операция, направленная против неофашистских кругов. В следственный изолятор попал кшк один создатель шовинистического сайта „Redwatch”. Полиция намерена продолжать аресты. Вчера она задержала 21-летнего студента

политологии Бартоша Б. по подозрению в редактировании интернет-сайта „Redwatch”». («Жечпосполита», 6 июня)

- «Двое бывших сотрудников Службы безопасности Ян Д. и Мирослав Т. приговорены к двум годам и восьми месяцам лишения свободы каждый. ИНП обвинил их в том, что в 1981–1985 гг. они применяли физические и психические пытки к членам местной „Солидарности”, а также угрожали им смертью». («Дзенник», 2 июня)

- «Сегодня бывший капеллан новогутской „Солидарности” свящ. Тадеуш Исакович-Залесский представит общественному мнению сведения о секретных сотрудниках [коммунистических] спецслужб среди краковского духовенства и объявит имена 28 агентов. Краковская курия предостерегла его от такого шага (...) Председатель ИНП Януш Куртыка назвал (...) действия свящ. Исаковича законными (...) „Ни один священник не имеет полномочий публиковать сведения из архивов ИНП”, — говорится в специальном коммюнике Краковской митрополичьей курии». («Жечпосполита», 31 мая)

- «Священник, который хотел на специальной пресс-конференции объявить имена агентов госбезопасности, не может ни говорить о них, ни даже изучать проблему внедрения агентов в церковную среду во времена ПНР. Делать это ему запретил краковский митрополит. Кардинал Станислав Дзивиш не встретился со свящ. Залесским лично. Решение митрополита в письменном виде священнику вручил канцлер курии Петр Майер за три часа до начала пресс-конференции. „Я принимаю это решение в духе послушания митрополиту, к которому я всегда испытывал и продолжаю испытывать глубокое почтение”, — сказал журналистам (...) о. Тадеуш Исакович-Залесский». («Жечпосполита», 1 июня)

- Стефан Братковский: «Решение кардинала Дзивиша защищает не сутану, а честный путь познания правды». («Жечпосполита», 3–4 июня)

- «К концу 1982 г. у органов госбезопасности было почти шесть тысяч секретных сотрудников из числа людей Церкви. Об этом свидетельствует найденная нами ведомость, составленная 31 декабря 1982 г. в министерстве внутренних дел. Таблица очень подробна. В ней отмечено, сколько священников, монахов, викариев, студентов и преподавателей католических учебных заведений сотрудничало с госбезопасностью. Есть в ней и данные по каждому воеводству». (Томаш Буткевич, «Дзенник», 31 мая)

- «Суд пришел к заключению, что на ИМП распространяется действие закона о защите персональных данных. Теперь главный инспектор по защите персональных данных может закрыть доступ к каталогам имен предполагаемых агентов и сотрудников госбезопасности лицам, не работающим в ИМП». («Газета wyborcza», 31 мая)

- «Два крупнейших медиа-концернов — „Агора” и „Аксель Шпрингер” — сошлись в газетном бою. Поединок „Газеты wyborczej” с „Дзенником” — это нечто большее, чем просто рыночная игра. „Газета wyborcza” никогда не скрывала своего чувства миссии. „Дзенник” заявляет, что хочет нарушить ее монополию на формирование общественного мнения (...) „Дзенник” стремится лишить „Газету wyborczą” статуса единственного толкователя действительности и властителя дум, в т.ч. и интеллигентских. Его сотрудники подчеркивают, что в появлении крупной консервативной газеты в консервативном обществе нет ничего странного». (Агнешка Рыбак, «Политика», 10 июня)

- «Эксперименты на животных весьма дорогостоящи. Крыса из хорошей лаборатории стоит около 100 злотых. В Польше, как и во всем Евросоюзе, нельзя ставить опыты на бездомных животных. Животных для экспериментов нужно разводить в специальных питомниках. На одном животном можно провести только один эксперимент (...) „Раньше мне казалось, что на смену методов повлияет нравственный фактор, но теперь я вижу, что самое большое влияние оказывает экономика”, — говорит Дариуш Слядовский из Варшавской медицинской академии, который уже больше 15 лет занимается разработкой альтернативных исследовательских методов, способных прийти на смену экспериментам на животных (...) В прошлом году в Польше для экспериментов было использовано 420 тыс. животных. Право вести подобные исследования имеют по меньшей мере 90 научных институтов (...) Чаще всего в Польше используются мыши и птицы, однако ученым случалось проводить эксперименты также на овцах (6982), лошадях и ослах (894), собаках (285) и кошках (98)». (Александра Бялый, «Жечпосполита», 31 мая)

- «Польский союз голубоводов насчитывает более 43 тыс. членов (...) У голубоводов есть свой капеллан (разумеется, тоже голубовод) о. Юзеф Жилка, а также ежегодный съезд — престольный праздник на Горе святой Анны, куда они съезжаются со 180 хоругвями со всех отделений и округов. Как правило, на хоругвях изображен св. Франциск, покровительствующий четырем мил-

лионам польских почтовых голубей». (Барбара Петкевич, «Политика», 3 июня)

Станислав Гроховяк

СТИХОТВОРЕНИЯ

Интродукция

Не весь я сгину Уцелеет это:
Любовь к земле где лопухи и лужи
И мнение что селёдка в пост не хуже
Чем спелые плоды осенних веток
Ведь даже угром женщину люблю я
Когда лежит с ресничек тушь размазав
Она моя и я её целую
В восторг и в пудру В солнышко и в мясо
Так ублажаюсь И не только небом
А отраженьем неба в пятнах нефти
Попробуйте соединить сумеите
Восторг и погребенье былъ и небыль
Кто слаб тот скажет — это слишком грустно
А смелый скажет — слабым жить не лучше
Я выбираю только плод колючий
Сквозь полотно беру его искусно

Перевод Давида Самойлова

Чистые

Чту безобразность
Суть её яснее
При вспышках света
В муках истязанья

Она рождает форм разнообразья
Горами окружает
Стены морга
В промерзший мрамор
Вносит запах мыши
Есть в мире люди чистые настолько
Что вслед им пёс
И то не станет лаять
Хоть не святые
Да и не тихони

Перевод Юрия Левитанского

В потёмках I

— Птицу поведай...

— Поведаю. Слушай:

Был у стрелы золотой наконечник
И безупречно коварное тело...

Падая с неба, она умирает.

— Рыбу поведай...

— Поведаю. Слушай:

Вот молоток, он кроток, но крепок,
Кто-то к лицу его прижимает.

Лица красавиц гладки, как рыбы...

— Коня поведай...

— Поведаю. Слушай:

Нежно стреножить шёлком. А после —
Ласка ножа по блестящем у крупу...

Конь даже мёртвый ответит на ласку.

— Бойню поведай...

— Поведаю. Слушай:

Единороги — тяжёлые веки —

Белые, садом вишнёвым бродят,

Гривы их плачут на реках ленивых...

Перевод Андрея Базилевского

IV. Жалость

Из цикла "Белые сонеты"

Рану целую. Рану — твой рот —

Словно разверз я мечом осторожно.

И перестать уже невозможно,

Ибо он жалобу произнесет.

На крыльях тебя увлеку в полет —

Хоть силы тают, они ничтожны.

Но и не взять тебя невозможно —

Тогда в тебе огонек замрёт.

Рану целую — закрыть от смерти.

К ней устремлен твой неверный шаг.

Вихрь твои волосы взвил, как флаг...

Силы небесные, ярость умерьте!

Роса нам предсказывает потоп,

Но это не самая тягостная из проб.

*Перевод Святослава
Свяцкого*

Армстронг — лунный Колумб

Нет ни меча, ни топора;

Это торжественная пора.

Минула ночь — свет играет по крышам;

Спит детвора: обкурились гашишем.

Чтоб они спали, чтоб жены тучнели,

Зреют у мужа инфаркты в постели,

Нет ни меча, ни топора;

Это торжественная пора.

Кто-то чуть свет пробуждается с криком;

Все проворчали: «Эх, малый-то с бзиком!»

Вышел с зарею молочник бессонный,

Брызгал в глаза молоком из бидона.

Барышни скопом в трюмо вскочили,

Кровью губки смочили.

Нет ни меча, ни топора;

Это торжественная пора.

Мертвых вакханок влекут в карнавале,

И парикмахера к ним привязали.

Тут же нудисты, лысые твари,

Пенис из воска мочат в отваре.

В храме торговля — консервы горою:

Курвы в соку и в дёгте плейбои.

Хватит. Уж снег. Замело нас по пояс,

И нависает вершиною полюс.

Ночь насылая и сумрак во благо,

Шар проплывает бледно и наго.

Там исчисляет ученый мгновенья,

Звезд покоренных считая каменья.

Нет ни меча, ни топора;

Это торжественная пора.

*Перевод Святослава
Свяцкого*

*Стихи для публикации
выбрал Анджей Титков*

СТАНИСЛАВ ГРОХОВЯК — ТРИ ЭПИЗОДА

Осенью 1961 г., когда мне было полных 15 лет, я начал лихорадочно писать стихи. Стихи были несамостоятельные, вторичные, наверняка плохие. Несмотря на это, как всякий неофит, я был категорически нетерпим ко всем, кто не писал стихов и не интересовался поэзией. Много читал, жадно глотал книги, без всякого плана, лада и склада. Знакомился и с неизвестными мне прежде польскими поэтами. Еще до того я восхищался стихами Збигнева Херберта. Открыл Мирона Бялошевского, Ежи Харасымовича, Станислава Гроховяка. Гроховяк скоро занял свое место на моем приватном Олимпе. В октябре 1963 г. два моих стиха появились на страницах еженедельной газеты «Вспулчеснось» («Современность»). И тут уж я ощутил себя настоящим поэтом, коллегой Рембо, Элиота, Анджея Бурсы и всех прочих — кем я восхищался, кому завидовал и с кем, естественно, хотел сравняться. Мой статус в среде сверстников существенно повысился. Некоторые немилосердно издевались надо мной, но другим явно импонировало, что я автор опубликованных стихов. Я тогда участвовал в разных поэтических конкурсах. Среди них был один радиоконкурс. Жюри возглавлял Станислав Гроховяк. Я получил премию, возможно, из его рук. Хотя даже в этом теперь не уверен. Помню, было это в здании на улице Мальчевского, и я очень волновался. Так в моей жизни впервые появился Гроховяк.

Прошли годы. Конец шестидесятых. Довольно грустное, серенькое время. Каторжный труд и безнадёга. Все началось для меня в пятницу 8 марта 1968?го. Я ехал на уикенд из Лодзи в Варшаву. Тогда я был совсем аполитичным, совершенно не знал, что творится. Вразумил меня встреченный в поезде приятель. Дома ждала сестра, спина у нее посинела от ударов милицейских дубинок. Все стало ясно. Потом, тоже вследствие мартовских событий, меня поразили в студенческих правах. Однако как-то я учебу закончил и сразу пошел на свою первую работу. Тогда я довольно часто заходил в редакцию [варшавской] «Культуры», где поэтическим отделом заведовал Гроховяк. Для меня было страшно важно — напечататься. Но редактор Гроховяк оттягивал принятие решения. Он водил меня за нос, петлял, играл со мной в кошки-мышки. Во время

этих визитов мы иногда разговаривали о политике. Мои взгляды уже были радикально антикоммунистическими. Гроховяк был осторожен. Он не хвалил напрямую того, что происходило. Явное одобрение системы никогда не было в моде в той среде, но он видел и что-то позитивное. Однажды, критикуя меня и моих коллег, которые сидели тогда в тюрьме, он использовал презрительное в его устах определение — «маркузисты». Я не очень-то знал тогда, кто такой Герберт Маркузе. Думаю, его знания на эту тему тоже были не слишком глубоки. Можно было сказать «сионист», однако гораздо более «sophisticated» звучало — «маркузист». То ли так, то ли как-то вроде. Ненадежна память людская. Одно знаю точно: в варшавской «Культуре» я так и не опубликовал ни одного стихотворения.

И опять прошли годы. Вторая половина семидесятых. Я уже немного окреп профессионально, на моем счету кое-какие успехи. Хочу наконец исполнить свою заветную мечту — снять художественный кинофильм. У меня в голове давний замысел — рассказ Гроховяка «Горда». Красивый, лиричный, пастельный, трогательный текст, а кроме того, что для меня важно, малоизвестный. Чтобы получить согласие автора, я тогда в первый, впрочем, и в последний, раз посетил Станислава Гроховяка в его доме на улице Повсинской. Он уже был болен. Лежал в постели. Говорил с трудом. Я не отдавал себе отчета, что это смертельная болезнь. Мы долго беседовали о «Горде». Я говорил о своем восторге, который не иссякает много лет, о духовной общности, по причине которой я хочу, чтобы именно этот рассказ стал канвой моего первого художественного фильма.

Гроховяк согласился на экранизацию. Предоставил мне свободу действий и пожелал удачи. Сдержанно выразил свое удовольствие. Наверно, это был самый длинный мой разговор с ним. В памяти осталось немного. Измученный взгляд и капля пота, стекающая по пергаментно-белому лицу. Через несколько дней я написал по рассказу «Горда» сценарий «Холодные огни». Этот фильм так никогда и не был снят.

Станислав Гроховяк умер в 1976 году. Ему было всего 42 года. Я присутствовал на траурной мессе. Он выглядел очень сосредоточенным, торжественно и окончательно. Было много слез, а потом много водки. И строфы стихов, блуждавшие в голове. И убеждение, что только поэзия имеет какой-то смысл. Только она спасает и только она спасется...

Смотри-ка: нежность, этот светлый шар,

Уже ко мне нагое пламя клонит...

Расслабим челюсти и разомкнём ладони.

Бунт окрылён — как нежный ровный жар.

(Пер. А.Базилевского)

ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА

Гротеск у Гроховяка был снимающей чары и отстраняющей формой индивидуального, личного страха, но также — восхищения и восторга. Гротескные сцены можно воспринимать как сложную театральную конструкцию. Гротескный автопортрет, участвуя в этом театре, был тесно связан с субъектным «я». Но он проецировался также на «мы» (как ранее, в период «Рыцарской баллады», так и позднее, во времена «турпизма»). Так возникал коллективный субъект. Гротеск превращался в манифест общности. Ранние манифесты поэта были полны наивного активизма и морализаторства, в турпистический период — уже нет.

«Мы с Богом во мраке на кулаках». Не «я», а «мы». Даже если сам Гроховяк (экзистенциальный субъект) прятался за это «мы», другие находили себя в его стихах, примеряли на себя это «мы» либо принимали его «я» и преобразовывали в объединяющее, общее «мы». Обнаруживали себя в «нас» из стихотворения «Горящая жирафа» (книга «Менуэт с кочергой»)

Да

Это так

Убогий костяк человеческого страха

Тихонько коптящая небо жирафа

Да

Это так

Из-под стены аспирин и пота

Морда раздавленного пулемёта

Да

Это так

Почему только прах от виска до челюсти

Что за звон там в порожнем черепе

Да

Это так

Это придёт

Тяжело неизбежно

Как кочерга

Как нога

Как брюхо как сердце

Чёрный погост человеческого неба

Да

Это так

(Здесь и далее пер. А.Базилевского.

См.: С. Гроховяк. Завтра начнётся // Польская поэзия: XX век. Антология ***. М.: Вахазар, 1999)

Если какое-либо стихотворение Гроховяка стало манифестом, то именно это. Основой (поводом) была картина испанского сюрреалиста Сальвадора Дали. Репродукция «Горящей жирафы» висела на стене в квартире Гроховяка в Брвинове. Но это не описание картины. Картина дала гротескный материал. Оригинал находится в Музее искусств в Базеле, он невелик (35х37 см). На нем представлено пространство скорее пустынное. На самом дальнем плане горы, важной кажется особенно одна — с ясно обозначенной желтой дорожкой, ведущей к вершине. Несколько ближе — жирафа, цвета близкого к телесному. Она стоит спокойно. От шеи до хвоста из нее вырываются языки пламени, словно огонь исходит изнутри жирафы. Над пламенем — дым.

Еще ближе — две женские фигуры, сконструированные из металлических прутьев, из протезов, костылей, на которых передвигаются хромые: все это из дерева, ткани и, несомненно, также из обычной, живой плоти. Фигура, стоящая в глубине, держит в руке красный платок, на голове у нее нечто вроде куста. Та, что стоит ближе, заполняет собой во всю высоту весь передний план, правой стопой касаясь нижней границы картины; окаменевшей, красноватой, лишенной черт лица головой она касается верхнего края. Руки ее вытянуты перед

собой, они телесного цвета. Если бы не подпорки, вмонтированные в эту фигуру сзади (те самые инвалидные костыли и прутья) — она должна была бы рухнуть. Вдобавок в нее вмонтированы деревянные ящики, наполовину выдвинутые и, кажется, пустые. Один, самый длинный — пониже груди, семь поменьше — в ляжке, от бедра до колена. Фрейдистская интерпретация напрашивается сама собой, но оставим ее. Ящики желтые, их цвет перекликается с маленькой желтой фигуркой человека на дальнем плане — между горой и жирафой (о нем я еще не сказал), а также с упомянутой желтой дорожкой, ведущей к вершине. Все, что на картине желтого цвета, — светлое, светящееся.

«Костяк человеческого страха» в стихотворении Гроховяка выполнен по образцу фигур переднего плана картины Дали. В стихотворении человек — тоже конструкция из мяса и металла («Как кочерга / Как нога / Как брюхо»). У него «звон в порожнем черепе» (каждый может представить себе собственный скелет). Атмосфера детской болезни совмещена с войной («морда раздавленного пулемёта»). Эти стихи произносит «я», а не «мы». Слушатели принадлежат к той же гротескной картине, они в ней присутствуют, как и жирафа и фигуры на переднем плане. Картина испанского художника в стихотворении расширена или встроена в более широкую образную конструкцию. В произведение включены и слушатели — они представлены как больные животные (у Дали таких нет).

Я пишу эти строки

Себе самому

И двум ослам: ревматику

И хромоту —

Они поймут

Да

Это так

Вы, — говорит поэт, — пребываете в той же животной форме, вы и есть «они», поскольку осла — это переодетые люди, персоны, а также иные, чем на картине, «костяки человеческого страха», составленные из железа (кочерга, пулемет) и плоти. Эти слушатели размещены, подобно субъекту и объекту (а объект — это фигуры, придуманные Дали), — на фоне «чёрного погоста человеческого неба». На картине Дали его обозначает черная полоса, идущая горизонтально по верху картины. В эту

черную полосу входит окаменевшая, а может быть — опаленная, как терракота, лишенная черт лица голова фигуры переднего плана.

Таким образом, мы живем в интенсивной голубизне между этой черной полосой вверху и пустыней, на которой стоим. Небеса словно рухнули, перестали существовать. А когда они рухнули — остался гротескный кошмар.

Сходный кошмар повторится в начале повести Гроховяка «Карабины». Ее герой Бруно будет рассматривать город, куда — утратив веру — он прибыл со своих гор. В этом городе по пустым улицам перекачиваются ведра — бесшумно, словно они из фетра. «Небо стояло над всем этим желтое, с него исчезли все птицы (даже вороны), были сметены самолеты, они полетели дальше и забыли об этом небесном пространстве, где уже сделали свое дело, — небо предвещало теплые болезненные ветры полной оттепели, небо было замкнуто, как мертвое лицо». Гибли веры, рушились идеологии. В гротескной картине люди находили себя. Конструкция горит, но эта конструкция — и пылающее животное, и человек. Ведь в действительности искусства, которое по-прежнему является моделью космоса — ибо не может ею не быть, — трудноопределимы границы между артефактом, конструкцией-вещью и человеческим, биологическим началом, хотя эти границы несомненно существуют.

Ибо жить

Означает:

Уйти за мясом Дойти до мяса

Возделать мясо Разделать мясо

Облапить мясо Облаять мясо

Утроить мясо Угробить мясо

Скроить из мяса Во имя мяса

На благо мяса И против мяса

На гибель мясу Но несомненно

Но несомненно в защиту мяса

В этом слышали правду, разговор без обиняков. Мы — это мясо. В те годы, когда особенно резко была осознана возможность

атомного апокалипсиса, когда нужно было обезвредить и обуздать ужас, «мы» — это мясо из словосочетания «пушечное мясо». Осознанно чувствующее мясо. Его конец нагляден и зрелищен.

А МЯСО ГОРИТ

Оно

Не остынет

Ни в спирте

Ни в соли

Горит

И гниёт

Осыпаясь от боли

Да

Это так

Мы не зрители, а горящие в этом спектакле животные. Нам это нравится, мы гордимся этим.

Человек на картине Сальвадора Дали — конструкция странная, гротескная. Животное на заднем плане — телесно. Однако нормальна, по-человечески телесна лишь маленькая желтая фигурка, стоящая еще дальше, принимающая отблеск дорожки, ведущей на вершину горы (или дорожка на вершину горы принимает отблеск этой фигурки). Надо подчеркнуть, что это иной блеск, нежели блеск огня, который вырывается из горящей жирафы. словно мы прикрываем свою подлинную, смертную телесность метафизическими протезами. Такие протезы производит наша фантазия, привычно страхуя нас. Они помогают, но и мешают; могут быть знаками надежды, а могут превратиться в кошмар. Отбросив их, человек чувствует себя свободней. Он обретает способность проявить свою свободу. Гротеск (в обоих смыслах — и карнавальном, и экспрессионистическом) вряд ли может быть программой, манифестом. Манифест может вырастать из гротеска, но он — избавление от него. Кочерга, звон в пустом черепе, ящики в груди и ляжках (насколько прозрачны символы похоти живописца!), — все это для автора манифеста перестает быть важным, уходит с переднего плана. Горит настоящая жирафа, животное, и горит все, что телесно, в том числе человек. Мясо

— ценность, которую — даже когда сам горишь — надо защищать.

Да

Это так

В «Карабинах» находим описание ситуации, в которой рухнула вера ксендза Бруно. Его вызвали, чтобы он совершил обряд над приговоренными, которых должны были сжечь. Они отказались исповедаться, хотя Бруно раньше знал их как добропорядочных прихожан. Перед костром отпали протезы, а Бруно, глядя на пылающие тела, видел в них только горящее мясо... (Как защитить это мясо, показал ему потом коммунист Шалюга, впрочем, фигура ходульная.)

Бруно:

«Я много повидал убитых. Застреленных, повешенных, зарубленных топорами. Это еще весельчаки. Но видел я и сожженных. Тут уж нет сомнений: это всего лишь сожженное мясо. В этом бедном горелом мясе никогда не могло быть бессмертной души... Такое мясо можно подцепить вилкой, как свинину».

Что это — доказательство смертности души через каннибализм? Но переломы от веры к неверию происходят резко и неожиданно. Для Бруно внезапно обретенная вера в несуществование или смертность души оказалась освобождением. Он посмотрел на мир новыми глазами. Именно плоть-мясо, собственное тело и чужие тела, в их смертности, оказались ценностью.

Гроховяк во второй половине шестидесятих годов творил мир, которому в философском отношении ближайшим соответствием был, пожалуй, экзистенциализм. Первое лицо в его стихах не было его биографическим «я». Пусть видимость не собьет нас с толку. Ведь экспрессия этих стихов — вовсе не «искреннее аффективно-интеллектуальное выражение биографии художника. Поскольку экспрессия касается здесь экзистенциального проекта, ситуации, которая вскрывает нашу общую человеческую судьбу». «Турпистические» стихи он писал от имени тех, кто переживал свое «человеческое состояние» в тех же исторических условиях (военное детство, возмужание в годы сталинизма). Его стихи были связующим звеном между личностным субъективным «я», поколенческим переживанием и всеобщим трагизмом человеческого бытия,

раскрывали читателям их индивидуальную идентичность и общность.

С позиций экзистенциализма, «искусство (а значит, и литература) либо должно совладать с демоническим ничтожеством мира, создавая мир ценностей, нечто, способное пережить столетия, говорящее о том, что человек может заполнить эту пустоту, либо оно — всего лишь свидетельство бренности существования, и его единственный смысл состоит в трагическом самопознании человеческой судьбы. Так или иначе, художественное творчество „стыкуется“ с абсолютной действительностью — с ее отсутствием, которое требуется заменить, или с ее недостижимостью, которая постоянно напоминает о том, что средоточие мира — человек, его неповторимая, единственная экзистенция».

Свобода человека столкнулась с неизбежностью смерти. Бог в этой перспективе не был гарантом метафизического порядка. Он мог быть неясной надеждой отдельной судьбы. Бруно, а также авторское «я» «Горящей жирафы» сочли эту надежду призрачной и освободились от нее. Взяли судьбу и свободу в свои руки.

Люди, «хотя следом за ними шагает Ничто, хотя их ожидает могила, хотя окружающий мир всегда будет естественным врагом дремлющих стремлений и желаний, — должны жить так, будто вся их жизнь имеет смысл, и умирать с открытыми глазами. Решающее значение для сохранения человеческого достоинства имеет именно бунт сознания, бунт интеллекта против неизбежного предназначения. Бунт, правда, не в силах его изменить, он не даст даже какого-либо более или менее полного удовлетворения, — однако будет критерием моральной ценности», — писал Конрад Эбергардт на той же странице, где Гроховяк, который был тогда редактором отдела в газете «За и против», поместил свой очерк о «Запретных играх».

А о чем могла говорить сюрреалистическая картина, репродукция которой висела на стене в брвиновском доме? Какие представления лежат в основе сюрреализма? Сюрреалисты были материалистами. Однако уже во «Втором манифесте» Андре Бретона идет речь о высшей точке (point suprême), в которой жизнь и смерть, реальное и нереальное, прошлое и будущее, поддающееся и не поддающееся высказыванию — перестают быть противоположностями. Это та точка, в которой, согласно Николаю Кузанскому, была сотворена вселенная. Эзотеризм и марксистский материализм были двумя крайностями сюрреализма. Их преодолевало

искусство, стремившееся к высшей точке, где сфокусирована целостность мира (*le foyer vivant de la totalité du monde*), единого как во внешних проявлениях, так и в субъективных глубинах сознания, целостность, которая объемлет пространство и время, а значит — не может быть познана извне пространства и времени. «Эта доктрина высшей точки, стремление ее достигнуть — придают сюрреализму исключительное положение среди атеистических философий. Они составляют также принципиальную разницу между сюрреалистической космологией и космологией ницшеанства, ибо последняя циклична и навеки подчиняет человека мучениям космического круга».

На картине Сальвадора Дали жирафа горит. При этом она стоит удивительно спокойно и горит удивительно декоративно — орнаментальными, ритмично взвивающимися языками пламени. В стихотворении Гроховяка тоже горит мясо. Это могло бы указывать на жертвоприношение. Мясо испепелено, место кремации — «жертвенный костер». Так жгут останки. Однако здесь сожжению подвергается живое тело (испеченное, оно вызывает потребительские ассоциации). Так сожжение заживо выявляет «мясистость» человека. Оно позволяет (эллиптически) редуцировать его к мясу. Страдающему мясу. Впрочем, вопреки однородности картины сожжения, у субъекта, провозглашающего манифест, возникают также иные образы. С мясом производятся следующие манипуляции:

Уйти за мясом Дойти до мяса

Возделать мясо Разделать мясо

Облапить мясо Облаять мясо

Утроить мясо Угробить мясо

Мясо покупают и разделывают — возникает ассоциация с мясницким цехом. (Мы помним: мясник, как и парикмахер, ассоциируется в поэтическом мире Гроховяка с жестоким божеством.) Прежде чем мясо купят, оно должно быть разделано, а еще раньше — умерщвлено.

До этого мы имели дело с мясом животных, теперь — отступая — входим в область человеческого. Умерщвлению предшествует необходимость «облапить» мясо. Тут могут возникнуть разные коннотации, в том числе эротические (выражаясь осторожней — эротический оттенок; как в стихотворении Ясенского «Мясо женщин»). Присутствуют здесь и инфинитивы «возделать», «утроить», «облаять». Эти

действия, применительно к мясу (даже к слову «мясо»), сообщают ему нечто «человеческое». Поэтому если ряд глаголов начинался с действий, связанных с мясом животных, обреченных на съедение человеком (покупка, разделка), то кончается он полной «гуманизацией»: «угробить мясо». «Гробят» (а также кладут в гроб и погребают) обычно только людей. Так строфа, содержащая перечисление манипуляций, становится антропологическим трактатом, спрессованным в таблетку. Мясо, которое погребают, требует защиты.

На картине Дали МЯСО ГОРИТ. Однако в антропологической реальности стихотворения оно не только горит, а и разлагается — исключительный случай в поэзии Гроховяка (Оно / Не остынет / Ни в спирте / Ни в соли / Горит / И гниёт / Осыпаясь от боли). Ибо сожжение не дает искупления. Кремация не уместится в нашей позитивной эсхатологической системе. Сожжение заживо невозможно радикально отделить от того, что ему предшествует, от более ранней стадии процесса умирания. Попробуем прояснить это, вернувшись к описанной в «Карабинах» сцене сожжения людей заживо. Это необычайно важная сцена.

Приговоренные здоровы, они ждут. «Побледневшие, да что я говорю: покрытые синими пятнами распада, который всегда предшествует смерти, они смотрели на меня, как на стенку напротив. Еще никогда я не видел столько ада в лицах людей, к которым пришел с Богом».

Распад, ускоренный страхом, происходит при жизни. Затем показана казнь, преобразившая ксендза Бруно: присутствуя при ней, он утратил веру. Казнь носит ритуальный (дьявольский) характер, в ней повторяется магическая семерка.

«На рассвете дверь отворилась и нас вывели на снег. Вид, открывшийся перед нами, был столь неправдоподобен в своем кошмаре, что загнал приговоренных обратно в сторожку. Однако пришлось выйти, пришлось подойти к семи кострам, разожженным под семью соснами; им скрутили руки и за руки живьем подвесили над кострами. Я смотрел, как тает снег. (...) Никто не призывал Бога. Абсолютно никто. Я вполне понял это лишь тогда, когда заметил, что и я Его не призываю. Становилось тише и тише, и чем было тише, тем глубже было безразличие, охватившее все вокруг».

Ксендз Бруно во многом может восприниматься как *porte-parole* автора. И в то же время лишь после этого акта инициации Бруно способен предаться чувственным

удовольствиям с полным удовлетворением и одобрением. Он открывает иной мир, позитивно открывает собственную телесность, чувственность: кусает хлеб, пробует пальцем острие ножа, прикасается к двум девушкам-толстушкам. И эта плоть, это мясо подлежит одобрению, обретает ценность: становится важным — как важен человек, его субъективное «я». «Но я спрашивал себя, могло ли бы это мое вновь открытое тело сгореть, как стружка, ничего после себя не оставив». Могло бы, нет никаких сомнений.

Годы спустя больной, ставший на двадцать лет старше Гроховяк счел свое стихотворение «Горящая жирафа» проявлением жестокости, вызванной юношеской горячностью, отсутствием опыта бренности собственной жизни, отсутствием «реалистического» опыта собственной телесности (а не ее экзистенциальной проекции). В год своей смерти он говорил в телестудии: «...это юношеское стихотворение, написанное из духа противоречия, и если я нахожу в нем какое-то обаяние, то именно обаяние юности. Сегодня я не мог бы написать так жестоко, тогда смог».

Ксендз Бруно — проекция авторского «я», подобная «костяку человеческого страха», изображенного по мотивам Дали в «Горящей жирафе».

Присмотримся еще раз к трем планам образа. На переднем плане — две высоких фигуры, «убогий костяк человеческого страха», хотя в стихотворении это определение относится к жирафе. Она стоит на втором плане, с пламенем вдоль гривы и клубами дыма. Тогда как фигуры на переднем плане экспрессионистически изогнуты, буквально предмечены и подвержены распаду (правая ладонь более высокой фигуры лишена кожи, обнажена кровавая сеть сосудов), жирафа стоит спокойно, словно пламя не причиняет ей боли, словно это всего лишь накладной орнамент.

Спокойней и мягче всего — задний план: желтый, светящийся человек и в глубине гора с оранжево-золотой, вьющейся дорожкой, устремленной к вершине.

Таким образом, от переднего плана к заднему происходит успокоение, и это — учитывая, что перед нами все же сонное видение культуры, — путь от непосредственного переживания экзистенции к символам единения с целым.

А если спросить: где тут истина, что тут важнее всего?.. Название говорит, пожалуй, о том, что важнее всего средний план: на нем жирафа. Однако Гроховяк был поэтом контрастов.

И не то, что посредине, было для него — в тот период — самым важным. Независимо от того, двигаться ли от переднего плана к третьему или наоборот, распределение ценностей — иное. Самое важное, самое ценное — на переднем плане, телесном, жестоком плане человеческой боли, и на заднем плане, в метафизической глубине: желтая гора и желтый человек.

Травестируя картину Дали, Гроховяк использовал характерный прием: он контаминировал фигуры переднего плана с жирафой, тем самым перенес ее на передний, драматически экспрессивный план, а задний план просто опустил. Это был действительно юношеский прием. Уже через несколько лет поэт, пожалуй, не смог бы этого повторить.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Он родился в 1926 г. в Новой Вилейке на Виленщине, тогда входившей в состав Польши; детство его прошло в местечке под названием Виленская колония. Дальнейший ход событий продиктован историей: жизнь партизана в литовских лесах и, наконец, Варшава. Тадеушу Конвицкому, одному из крупнейших польских писателей современности, замечательному кинорежиссеру и сценаристу, исполнилось 80 лет. «В прозе Конвицкого Виленщина — это место особое и весьма личное, некое интимное, утраченное им пространство. (...) ...писатель прекрасно понимает, что восточные окраины наделены статусом особого края. В польской литературе с ним связаны многочисленные легенды, он приобрел значение питательной среды для литературы. Современные писатели (...) способствуют упрочению мифа, связанного с этими местами и существующего еще со времен Мицкевича. Конвицкий хорошо знает, что страна его детства овеяна легендами и мифами, — пишет Зофья Савицкая, — ведь и сам он занимается ее мифологизацией, но абсолютно по-своему. (...) О Виленщине он высказывается с некоторой сдержанностью и иронией (...) называет ее „родиной пророков, колдунов и юродивых”». Но существует еще и другой Конвицкий, о котором пишет в статье, посвященной юбилею писателя, Адам Михник: «Тадеуш всегда обладал необыкновенным нравственным слухом, смелостью одинокого зубра из литовской чащобы в сочетании с добродушием литовца-медведя... Однако он писал также языком боли и отчаяния, когда „приходилось дышать воздухом, перенасыщенным молекулами полицейской подозрительности” (...) Тогда он упрямо повторял, что, только отстаивая собственную волю к свободе, оказывая всяческое сопротивление — пусть даже безнадежное и непонятное, — мы можем спасти то, что является сутью нашей собственной, польской самобытности».

• Издательство «Выдавництво Литерацке» выпустило уже после смерти Станислава Лема сборник его фельетонов под названием «Раса хищников. Последние тексты». «Вот уже два десятилетия, — пишет в рецензии Войцех Орлинский, — новые книги Лема представляли собой сборники эссе и фельетонов. Последняя книга оказалась среди них одной из лучших, пожалуй, даже самой лучшей. Как будто писатель, предчувствуя свое возвра-

щение к звездам, хотел попрощаться с нами наилучшим образом».

- В возрасте 97 лет в Варшаве скончался Юлиуш Виктор Гомулицкий — писатель, филолог, литературовед, исследователь творчества Ц.К.Норвида, издатель, необыкновенный знаток истории Варшавы, человек, занимавший до конца своих дней чрезвычайно активную жизненную позицию, у которого всегда было полно планов. Отмечая недавно 95-й день рождения, он заявил друзьям, что, к сожалению, не может умереть, ибо и следующих ста лет ему не хватит, чтобы сделать все то, что им намечено...

- На первом месте в списке бестселлеров оказался сборник, выпущенный издательством «Прушинский и К°» под названием «Рассказы по-летнему теплые и даже горячие», о котором Анджей Ростоцкий пишет: «...меня особенно встревожило то, что в большинстве из них описывается гетеросексуальная любовь. Бр-р-р... в такую жару на мокрой простыне!» А далее следуют футуристический роман Анджея Пилипюка «Операция „День воскрешения“», «Трактат о лущении фасоли» Веслава Мысливского и «Король червей опять выходит из игры» Ханны Краль («Краткое изложение кредо — вера в силу человечества. (...) Повествование, в котором нет излишне громких слов, что делает его во много раз сильнее и драматичнее»). В области литературы факта — беседа Михала Карновского и Петра Зарембы с Ярославом и Лехом Качинскими «О тех двоих, что... Азбука братьев Качинских» — книга весьма своевременная, хотя ей явно недостает актуальных сопоставлений и более широкого взгляда на Польшу.

- «В мире, который не умирает, о боли и старости не говорят. Неприлично задавать вопросы о пределах страданий, о переходящем, о бессилии перед кончиной. (...) В мире, который стыдится смерти, отделяется молчанием от этой темы и обходит ее украдкой, требуется немало смелости, чтобы написать такую книгу, как „Хорошая профессия“», — утверждает Александра Кlich. «Хорошая профессия» — это беседы, которые провели Кристина Бохенек и Дариуш Кортко с известными врачами, рассказывавшими о своем отчаянии и одиночестве, о своих слезах и бессилии. «Иллюзия, что человек может жить вечно, — говорит один из них, — уже не имеет смысла. Речь идет о том, чтобы человек достойно жил и достойно умирал».

- В этом году исполняется 50 лет с момента создания одного из самых знаменитых польских кабаре, краковского погребка «Пивница под Баранами». Сначала был клуб, патетически называвшийся Клубом творческой молодежи, в котором студен-

ты и выпускники могли встретиться, поболтать за бокалом вина. Но пришел Петр Скшинецкий... «Настоящим отцам-основателям он не очень понравился, — пишет Лешек Армата. — Он издевался над собой и другими, не относился к жизни серьезно». И так постепенно клуб превратился в кабаре. «Краковское кабаре, — продолжает Лешек Армата, — возникло на волне октябрьской оттепели». «„Мы — островок в море жестокости, серости, глупости, подлости, цинизма, нетерпимости, насилия”, — говаривал Петр Скшинецкий. И повторял вслед за Монтенем: „Если мы сами себя не спасем, то никто нас не спасет”». Сегодня, спустя 50 лет, «Пивница» приобретает новый блеск, а ее любимым артистам захотелось вспомнить прежние хиты. В конкурсе на самую популярную песню «Пивницы» победила «Карусель с Мадоннами» в неподражаемом исполнении Эвы Демарчик — на стихи Мирона Бялошевского, музыку к которым написал Зыгмунт Конечный.

- «Это мероприятие для тех, кто ценит хорошую музыку, ориентируется в творчестве XX века и с наслаждением наблюдает за разнообразием контекстов, в которых появляются произведения нашего патрона», — сказал дирижер и композитор Роман Ревакович, новый директор фестиваля, посвященного творчеству Витольда Лютославского «Цепь», который уже в третий раз проходил в Варшаве. В этом году фестиваль был организован с гораздо меньшим размахом, чем предыдущие, хотя в программе фестиваля нашлось место многим выдающимся музыкантам, например, группе NYUD из Таллинна или норвежскому ансамблю «Cikada String Quartet». Если учесть недостаток финансирования и лимит дотаций, то замечателен уже сам факт, что фестиваль все же смог состояться.

- Летом в Варшаве все чаще можно послушать, находясь на свежем воздухе (и бесплатно), выступления замечательных джазовых коллективов. Многолетнюю традицию имеют «Warsaw Summer Jazz Days», успехом пользуется (в последние особенно жаркие дни на концертах была невероятная теснота) такое мероприятие как «Джаз на Старувке». И это должно бы только радовать, но... всегда найдутся те, кому хочется видеть лишь темную сторону луны. Петр Ивицкий пишет, например, так: «Фанаты, приученные к тому, что гигантов жанра всегда можно послушать просто так, десять раз подумают, стоит ли покупать билеты на их выступления по окончании летнего сезона. (...) Через год или два может случиться так, что не найдется желающих заплатить сто или двести злотых за билет (...) на ансамбли, которые и так играют на бесплатных мероприятиях». Пока же любители джаза, а также сами артисты и организаторы до-

вольны: на концерты приходят толпы зрителей, музыка удовлетворяет самым изощренным вкусам.

- И еще одно мероприятие лета завоевало сердца варшавян. В течение всего периода летних отпусков в шести парках города шли показы фильмов, составляющих классику кинематографа. В репертуаре оказалось 48 художественных фильмов и несколько десятков студенческих работ. Организатором фестиваля выступил Фонд развития киноискусства, известный своей масштабной деятельностью в области популяризации кино и киноискусства. «Мы, что называется, занимаемся „работой у основ“, — улыбается один из создателей Фонда. — Мы всех призываем делать фильмы».

- «Любуское кинолето» — один из старейших кинофестивалей в Польше, который собирает для участия в киносмотре картины из стран Центральной и Восточной Европы. В этом году на фестивале было показано около ста художественных и документальных кинолент, большинство из которых стали польскими премьерами. Жюри в своем решении отметило, что в этом году документальное кино продемонстрировало гораздо более высокий уровень, чем художественные фильмы, и поэтому «Золотая виноградная гроздь» присуждена только в категории документального кино. Лауреатом стала «Группа Паладино», в состав которой входят четверо молодых людей, выпускники Школы режиссерского мастерства Анджея Вайды. Было отмечено, что их фильмы поражают своей подлинностью, непосредственностью, простотой используемых средств и спокойным взглядом на окружающую действительность. Одним из самых любопытных мероприятий этого фестиваля стал показ документальных фильмов, которые были сняты Марекот Котерским в 1972–1986 гг. («Сумасшедший дом», «Мы все Христы»).

- «Польская кинематография в силу вещей устремлена в сторону коммерции и озабочена тем, чтобы залы были полны. Но кино клубы воспитывают другого зрителя, — сказал Анджей Вайда на торжестве по случаю 50-летия существования дискуссионных кино клубов. — Такого, которому фильм необходим, чтобы задавать вопросы... Именно эта немногочисленная элитарная аудитория решает, какой из фильмов войдет в историю. Будущее кинематографии за фильмами трудными, а не за теми, которые забываются сразу же, как только закончился сеанс. Поэтому необходима группа зрителей, формирующая мнение».

- События, определяемые эвфемизмом «познанский июнь 1956 года», были практически первым польским антикоммунистическим восстанием. Сегодня, в 50-ю годовщину этого восста-

ния, о нем напоминают артисты, художники и музыканты. События 50-летней давности оживают на сцене и в музыке, воспоминания о познанском июне 1956 года получили отражение в документальном цикле общественного телевидения. Самый важный концерт, организованный на автомобильной стоянке перед заводом им. Ипполита Цегельского, рабочие которого начали познанское восстание, назывался «В честь Познанского Июня» и был подготовлен главным образом с мыслью о молодежи. Мероприятия проходили и в других местах Познани — например, возле Замка были развешаны цветные страницы комикса «1956 — Познанский Июнь», а возле памятника, посвященного тем событиям, на фоне Познанских крестов, состоялось большое зрелище «Июнь 1956-го», поставленное режиссером Изабеллой Цивинской в формате документа, которое сопровождалось художественными выступлениями — о познанском июне в них рассказывали авторы театрального авангарда и хип-хоповские рэперы. Именно в их исполнении в заключительной части одного из концертов прозвучал текст, который в те дни передавало Радио «Свободная Европа», слова, которые сказал его директор Ян Новак-Езеранский: «Никакому правительству и никакой власти не продержаться, если их единственной опорой будут террор и насилие. Ибо в конечном итоге всегда был и остается решающим человек».

- В этом году премию Яна Карского «Орлы» получили «Тыгодник повсехный» и журналистка Ориана Фаллачи. Когда-то Ян Карский утверждал, что для того, чтобы говорить правду друзьям, требуется гораздо больше смелости, чем для борьбы с врагом, — отметил, принимая статуэтку, главный редактор «Тыгодника повсехного» ксендз Адам Бонецкий. Ориана Фаллачи получила премию за страстность и смелость ее репортажей, которые свидетельствуют о нашем времени. При присуждении этой премии мнение жюри разделилось, но Адам Михник, получая премию от имени лауреата, поскольку сама журналистка в связи с болезнью не смогла участвовать в церемонии, отметил: «Ориана Фаллачи иногда, быть может, преувеличивает наши фобии и страхи. Но это отважная и независимая журналистка, стиль репортажей которой всегда эмоционален».

- Приглашенный дирекцией Музея варшавского восстания Эдвард Двурник положил начало галерее «Стена искусства», разместившейся в музейном пространстве. У него, пишущего прямо на стене, на глазах у собравшейся публики, рождались, как сам он сказал, «самые разные и смелые замыслы: я хотел изобразить более десятка Дворцов культуры, вписанных в пейзаж Варшавы, или Гитлера и Сталина, посаженных на кол. Однако, успокоившись, я решил написать нечто, что соответствует

серьезности данного места. Я решил написать сентиментальную композицию, ибо меня переполняет искреннее сожаление о том, что во время восстания погибли самые лучшие представители варшавской молодежи, ее цвет». После этого популярнейшего варшавского художника сотрудники Музея пригласили художников из группы «Твоживо» («Материал»), члены которой не скрывают того, что их глубоко волнуют современные проблемы общества. Их произведение — это настенная живопись о свободе.

- Этим летом город Замостье превратился в арену осуществления необычного художественного проекта. В город съехались десятки мастеров со всего мира, чтобы обсудить идею и последствия реализации проекта, насчитывающего 400 лет. «Авторами проекта, о котором идет речь, — пишет Дорота Ярецкая, — были гетман Ян Замойский (...) и архитектор из Падуи Бернардо Морандо (...) взявшие за основу философские идеи Платона и идеи времен Ренессанса. В результате вырос город, каких в Европе мало. Построенный с нуля». Проект в Замостье рассчитан на все лето, а осенью при участии тех же мастеров он будет перенесен на улицы Потсдама.

- О выставке «Тепло/холодно. Летняя любовь», организованной в варшавской галерее «Захента» пишет Дорота Ярецкая: «В искусстве любовь представлена чем-то вроде яростной борьбы, и нигде не сохранилось ее сентиментального изображения, разве что в гомосексуальном воображении... Выставка ставит вопрос о том, возможно ли вообще изобразить любовь в живописи, а ответ получается такой: попытаться можно, хотя в конце концов нас все же ожидает полное фиаско». Директор галереи «Захента» Агнешка Моравинская, открывая экспозицию, предупредила: «Эта выставка предназначена исключительно для взрослых зрителей, поэтому мы организовали ее летом, когда у детей каникулы». Однако другая рецензентка смотрит на этот вопрос иначе: «Эти предостережения директора галереи слегка преувеличены, хотя трудно удивляться ее осторожности. (...) ...я бы скорее опасалась не присутствия детей на выставке, а присутствия тех взрослых, которые считают себя защитниками нравственности».

- В этом году у нас было очень жаркое лето, и все говорит о том, что у искусства летом должен быть иной облик по сравнению с тем, который привлекает нас зимой. Хотя бы с некоторых точек зрения. Примеров довольно много. Но мы остановимся здесь лишь на двух из них.

«Эра. Новые горизонты» — это самое важное киномероприятие года. «За настоящими фестивалями, — пишет Тадеуш Соболев-

ский, — обычно стоит большая команда исполнителей и плюс все-таки отдельная личность. Она задает тон. В искусстве наблюдается гораздо больше справедливости, если решает кто-то один и если он отличается радикальным вкусом, не ищет золотой середины, но обращается к крайностям. К таким личностям относится Роман Гутек».

В этом году шестой по счету фестиваль «Эра. Новые горизонты» впервые проводился во Вроцлаве. Прежний хозяин, город Тешин, оказался слишком мал для невероятно богатой программы мероприятия, но прежде всего — для огромной массы желающих принять в нем участие. Роман Гутек уверяет, что перенос фестиваля оказался вынужденной мерой — прежде всего по организационно-финансовым соображениям. В чем же заключается феномен этого мероприятия, в котором так охотно участвуют мастера, а зрители создают его неповторимую атмосферу? «Вне всякого сомнения, — в самой программе, — пишет Павел Т. Фелис, — ибо в ней главное не хиты, но то, что творится на окраинах жизни кинематографа. Отсюда появление картин неизвестных авторов или дебютантов, картин дерзко экстравагантных, провокационных, раздобытых зачастую из второстепенных секций Канна, Венеции, Берлина... Их квинтэссенция — это главный конкурс, по традиции — своеобразная кунсткамера, в которой полно фильмов рискованных, подчас с перебором, не всегда доведенных до конца, а иногда вызывающих восторг своими чистыми интонациями и оригинальностью видения. Зрители этого фестиваля даже придумали свое название для этого кино — они называют его „гутковым“, по фамилии Романа Гутека. Ибо очередной ключик к нему — это сами зрители: необузданные, задиристые, которые реагируют на просмотрах, как на рок-концертах: кино либо восхищает их, либо вызывает в них гнев и раздражение. (...) Поражает энергия, высекающая искру между организаторами — людьми, которые стремятся поделиться собственными пристрастиями, — и зрителями, к которым существует отношение не как к элементу „target’a“ [отношение не утилитарное, не для самовыражения автора фестиваля. — И.К.], но как к партнерам, с которыми Роман Гутек обсуждает фильмы и даже входные билеты и систему кондиционирования».

У «Новых горизонтов» есть свои зрители, свой стиль и свои «любимчики». «Обдумывая формулу, особенно конкурсных фильмов, — говорил директор фестиваля Роман Гутек, — мы задавались вопросом, есть ли в кино XXI века (которое формируют вкусы массовой публики) место для режиссеров, создающих свои фильмы вопреки моде, для индивидуальностей, которые ценят собственный стиль и собственный язык, который

не подделаешь? Такие непокорные художники по-прежнему существуют, они рассеяны по разным уголкам света, им все труднее становится осуществлять свои проекты. Однако у их фильмов есть свои энтузиасты — и именно для них существует этот фестиваль. (...) „Эра. Новые горизонты” — фестиваль киноновизаторов, художников бескомпромиссных, которые смело идут избранным путем вопреки господствующим вкусам и модам, чтобы своим неповторимым языком рассказывать о самом важном».

«Гран-при» фестиваля — премию, присуждаемую зрителями, — получила картина «Святое семейство» чилийского режиссера Себастьяна Кампоса. Далее идут картины: «Виталь» Сюни Цукамото, «Намаса Paraguayana» Паса Энкуны, «Солнце» Александра Сокурова и «Настройщик землетрясений» Тимоти и Стефена Квай. В конкурсе «Новые польские фильмы» международное жюри присудило премию фильмам «Прости» Марека Стахурского и «Стыд» Петра Матвейчика.

Совершенно иную модель массового мероприятия предлагает Юрек Овсяк. «Остановка Вудсток» — это один из крупнейших в Европе музыкальных фестивалей. Ежегодно на него съезжается от 200 до 300 тысяч человек, в том числе молодежь из-за границы, главным образом немцы, а также украинцы, чехи, словаки и многие другие. По словам организаторов, для фестиваля возводится самая большая в Европе сцена, возле сцены создается гигантский палаточный городок со всей инфраструктурой — в частности с комиссариатом полиции, постами «Мирного патруля» (фестивальная охрана порядка), с торговыми павильонами, медпунктами, банком, почтой и т.д. Одни называют фестиваль самым крупным мероприятием подобного рода в Европе, другие утверждают, что это очень большое преувеличение. Однако, независимо от любых возможных сравнений, инициатива Юрека Овсяка настолько оригинальна, что ей стоит уделить некоторое внимание.

«Остановка» в организационном плане органично связана с крупнейшей благотворительной акцией в Польше — «Большим Оркестром Рождественской помощи», которую также организует Юрек Овсяк. «Оркестр» собирает деньги на медицинскую помощь детям, а десятки тысяч его добровольцев веселятся потом на «Остановке Вудсток». «Так что публика этого фестиваля все же особая, — пишет журналист, — это не только самые приметные „оторвавшиеся” юнцы с гребешками панков на голове, но и столь же многочисленная группа — хотя и менее заметных (так называемых „нормалов”) — подростков, которые поверили Овсяку и создали свою общность, которой хочется

сделать что-нибудь полезное. (...) Именно поэтому Овсяк — не обычный менеджер и конференсье. Он для молодежи образец (...) на практике показывает, что такое гражданское общество. (...) Этот аспект — тоже определенный ключ к пониманию феномена „Остановки Вудсток”. Возможно ли чувствовать себя в безопасности на бесплатном мероприятии для нескольких сотен тысяч человек, во время которого массово высвобождается юношеский адреналин, дополнительно подпитанный литрами пива?»

В этом году к «Остановке Вудсток» присоединились еще два мероприятия, теперь уже интегральные, — это до сих пор жестко ей противопоставляемая церковными кругами и находившаяся с ней в конкуренции «Остановка Иисус», а также совершенно новое начинание — «Академия самых изящных искусств». Последняя — это несколько палаток в центре огромного городка, выросшего вокруг сцены и насчитывающего несколько сот тысяч человек, — в этих палатках проходят встречи и дискуссии. «Мы хотим предложить молодежи — сказал накануне открытия «Остановки» пресс-секретарь организаторов Кшиштоф Добес, — встречи и дискуссии об искусстве и культуре. (...) Предполагаются мастер-классы по музыке и изобразительному искусству (...) цикл встреч с религией и о религии, с участием католического священника, имама, раввина. (...) Мы всегда устраивали не просто фестиваль, но прежде всего встречу с молодежью. Ведь здесь на протяжении многих лет работают неправительственные организации. Эта деятельность, назовем ее „мировоззренческой”, осуществлялась и прежде, но „Академия” — огромный шаг к развитию этой деятельности».

А политика? «Чему Овсяк может научить „воспитанников”? — спрашивает Рафал Калюкин. — Тому, что можно быть патриотом, не будучи ни сторонником партии „Право и справедливость”, ни боевиком организации „Всепольская молодежь”, ни членом „Семьи «Радио Мария»». Тому, что нельзя позволить правящим партиям приватизировать понятия патриотизма, любви к родине, гордости за осознание себя поляком. „Я горжусь тем, что я поляк”, — заявляет Овсяк. Но тут же добавляет, что нынешняя Польша вызывает в нем крайнее раздражение. (...) Овсяк — это Высший Авторитет. Где бы он ни появлялся — всегда овации. Что бы он ни сказал — зал аплодисментов. Шеф „Вудстока” знает, что достаточно лишь нескольких простых слов, чтобы пробудить в молодежи чувство собственного достоинства и она пойдет за тобой. Достаточно крикнуть: „Я вами горжусь!” — и готово». Однако Калюкин замечает в этом и возможную опасность. Поэтому, подводя итог, он с тревогой пишет: «У Овсяка есть настоящие враги, но он, вероятно, хочет,

чтобы их было еще больше, поэтому ищет воображаемых. Так возникают общины с синдромом осажденной крепости. Этому бывают подвержены, к сожалению, не только те, что боятся модернизации и становятся приверженцами торунского монаха [св. Радзика], но и свободолюбивая молодежь, как губка впитывающая слова своего идола».

Пер. Шиманская

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

После книги «Соседи», посвященной массовому убийству евреев в Едвабном — в том самом местечке, где после установления фактов просил прощения за вину своих соотечественников президент Польши, — Ян Томаш Гросс выпустил новую книгу: «Страх» («Fear»), пока только по-английски. Тема книги — антисемитизм в послевоенной Польше, особенно во второй половине 1940-х. Отклики некоторых критиков характеризуются нервозностью: автора обвиняют в недобросовестности и методологических ошибках. Гросс выдвигает довольно грубый тезис: тогдашний антисемитизм как проявление страха, что «евреи вернутся» и потребуют обратно свое имущество, которым за время войны завладели поляки. Как обычно, заведомо не будет недостатка в комментариях, использующих книгу Гросса для подтверждения дежурного стереотипа о поляках — самых зловредных антисемитах. Этого стереотипа не искоренит и такой очевидный факт, что больше всего деревьев, символизирующих Праведных среди народов, — 16 тысяч — посажены в Израиле в честь поляков, спасавших евреев.

Польский язык после войны породил два термина: «послееврейское» и «посленемецкое». «Посленемецкое» — «оставленное немцами», выселенными из тех мест, где они жили в Польше. А «послееврейское» — то, что поляки (частично еще в ходе войны) «унаследовали» от евреев, которых выселяли, а потом отправляли на уничтожение. И вот оказалось, что погибли не все — некоторые возвращались и требовали свое назад. Этого новые владельцы могли бояться. И боялись. Кстати, боятся и до сих пор: после 1989 г. в рамках реприватизации национализированной коммунистами собственности начались попытки прежних владельцев зданий или земельных участков вернуть свою собственность; среди них есть и наследники еврейских владельцев.

Интересно пишет об этом страхе Бартломей Сенкевич в статье «Вывертывание детонатора», напечатанной в еженедельнике «Впрост» (2006, №13):

«Общей чертой сообщений о новой книге автора „Соседей” было необычайно критическое отношение как к фактам, так и к главному тезису: о послевоенном польском антисемитизме,

вытекавшем из страха. Страх ответственности за соучастие в материальных последствиях Катастрофы, что со временем превратилось в негласный общественный договор, соблюдавшийся властями ПНР. (...) Зато не был поставлен главный вопрос. Прав ли Гросс или нет в целом (возможно, ошибаясь в деталях или рассматривая факты выборочно)? Не ведем ли мы себя перед лицом такого обвинения так, как описывает Монтень: „Часто я вижу, что люди, когда им предъявляют факты, предпочитают доискиваться, что за ними стоит, а не — истинны ли они”. Польша как государство и поляки как нация сталкиваются с обвинениями в антисемитизме издавна. Крайней формулировкой этого обвинения стала повторяемая ложь о „польских лагерях смерти” — особо болезненное и частое проявление этой проблемы. Поэтому кажется необходимым отделить правду об антисемитизме в Польше от обычной лжи и искажений, чтобы самим успешно справиться с призраками прошлого и бороться с ложью. Пока мы сами не станем систематически этим заниматься, нам неизбежно придется прибегать к оборонительной стратегии типа откликов на последнюю книгу Гросса — шатких и увечных. Мы имеем право познать, какова была действительность послевоенной Польши, с помощью собственной отваги, а не под влиянием книг, издаваемых за океаном и рикошетом возвращающихся на берега Вислы. Но в медийно-публичном пространстве эта тема маргинальна, и ничего удивительного, что Гросс обвиняет поляков в том, что они вытолкнули из коллективного сознания послевоенный антисемитизм и его проявления. Напомним, что без книги Гросса [«Соседи»] не состоялся бы ритуал признания в вине и просьбы о прощении по делу Едвабного. Автор был тем, кто сделал это преступление достоянием всеобщего сознания — несмотря на то, что в тогдашней полемике Гроссу указывали допущенные им фактические и методологические ошибки. Для нравственной оценки преступления в Едвабном они не имели значения. Есть еще другая сторона медали: мы не используем те элементы, которые могли бы показать величие и героизм поступков, совершенных перед лицом подлости и злодеяний. Польша — единственная, подчеркиваю, единственная страна, где не вышел в форме книги список отечественных Праведных среди народов: имея больше всего граждан, спасавших евреев, мы не удосужились почтить их память».

Наконец, ссылаясь на свои беседы с людьми, которые были очевидцами послевоенного польского антисемитизма, Сенкевич пишет:

«Хотел бы я знать, правдива ли та картина, домысленная мною по рассказам людей, с которыми столкнула меня жизнь. Я

имею право знать, как выглядела социальная действительность Польши после Катастрофы и было ли то, о чем я слышал (...) отдельными происшествиями или правилом. Хотел бы я это услышать, прочитать у историков, издающих свои книги по-польски, и анализ их трудов на страницах популярных СМИ, сделанный с таким же вниманием, какое было уделено новой книге Гросса».

Это не единственный вопрос в теме польско-еврейских отношений, который ждет описания и документации. Давно уже мое внимание останавливается на том, что литературоведы, особенно историки литературы межвоенного периода, так мало занимаются еврейской литературой в Польше тех времен (независимо от того, на каком языке она создавалась; вопрос, настолько существенный, что, например, творчество Бруно Шульца, писавшего по-польски, некоторые еврейские литературоведы включают в еврейскую литературу) и не замечают, что создававшаяся в Польше еврейская литература — а не забудем, что из этого круга вышел хотя бы (ограничимся этим примером) будущий нобелиат Исаак Башевис Зингер, — в немалой степени вдохновлялась польской литературой и сосуществованием в пространстве польской культуры. Прекрасный пример таких связей — творчество Авраама Суцкевера, поэта, связанного с группой «Юнг Вильне» («Молодое Вильно»), действовавшей в нынешней столицы Литвы в то же самое время, что и группа «Жагары», в которой участвовал Чеслав Милош — спустя многие годы переводивший Суцкевера, но тогда не поддерживавший никаких контактов со своими еврейскими ровесниками в литературе. Лишь недавно, в 2005 г., вышла посвященная этой проблематике книга Иоанны Лисек «Юнге Вильне», а также антология поэзии еврейского авангарда тех лет на идише, составленная Каролиной Шиманяк («Варшавский идишистский авангард», 2006), — интересный анализ обеих книг напечатан в посвященном новым книгам приложении к «Ты-годнику повсехному» (2006, №32).

Речь идет не только о вопросах исторического характера. У них есть продолжение и в наше время. Это показывает обширная статья Каролины Фамуской «„Может, кто-нибудь знает, кто я“: литература трудностей с самосознанием», напечатанная в последнем (XVI-м) выпуске выходящего в Тель-Авиве ежегодника «Контуры», снабженного подзаголовком «Избранная проза и поэзия израильских авторов, пишущих по-польски». Автор пишет:

«Несомненно (...) польская словесность в Израиле создает специфическое в социологическом аспекте качество. В традицион-

ном литературоведческом понимании ее достаточно записать в категорию польской литературы, как это делают с т.н. эмигрантской литературой; взгляд с точки зрения социологии литературы требует это описание уточнить. Если польско-еврейскую культуру можно понимать как почву, на котором развивалось явление, называемое (...) польско-еврейской литературой, то польскую словесность в Израиле следовало бы признать продолжением этой литературы».

Так можно рассматривать хотя бы поэтическое творчество Генрика Гринберга (более известного как прозаик), который сознательно датирует свои стихи в зависимости от их звучания то по христианскому, то по еврейскому календарю. Однако Гринберг живет в США. К писателям, живущим в Израиле, Фамуская предлагает применять термин «польско-израильская литература»:

«Этот термин можно рассматривать как уточнение названия „польско-еврейская литература”. В обоих случаях вторая половина прилагательного относится не к языку, а к национальной или государственной принадлежности».

Подчеркивая, что писатели в Израиле сегодня не всегда сознают, что продолжают традиции польско-еврейской литературы, она отмечает:

«Однако несомненный культурный и экзистенциальный дуализм особого, нередко драматического характера позволяет связывать друг с другом два эти явления: межвоенную польско-еврейскую литературу и польско-израильскую словесность».

Речь при этом идет не о второстепенных писателях — достаточно вспомнить таких авторов, как Лео Липский, Ида Финк, Рената Яблонская, Ирит Амель. Немаловажно и то, что писателей, прибывавших из диаспоры, особенно после окончания войны, не всегда встречали в Израиле с раскрытыми объятиями. Их «двойная» национальная принадлежность становилась если не угрозой, то хотя бы тернием в гордости собственным государством, которую возвращали израильские первопоселенцы:

«Для понимания условий развития польско-израильской литературы важно учитывать общественно-политический контекст истории созданного в 1948 г. государства. Сильный патриотизм израильтян по отношению к государству, завоеванному с трудом и часто находящемуся в опасности, так или иначе вынуждал их к конфронтации с привязанностью к своему про-

шлomu, остававшемся в кругу воздействия других традиций и культур. И тут встает вопрос непрерывности самосознания, для которого память и приятие своего прошлого весьма существенны».

В заключение автор пишет:

«Израиль, который для одних был любовью с первого взгляда (...) для других (составлявших большинство) — оптимальным решением жизненных проблем, а для некоторых — только „удобной автобусной остановкой в Азии”, играет огромную роль в речи о национальной принадлежности, ведущейся в польско-израильской литературе. Авторы в большинстве противостоят стереотипам и навязчивым идеологиям, усматривают недостатки и достоинства страны и живущих в ней людей. Их отношение часто характеризуется двойственностью».

И еще одна подглавка польско-еврейских судеб: вопрос культивирования в Польше наследия еврейского творчества на польском и еврейском (главным образом на идише) языках. На протяжении десятилетий эта словесность в Польше замалчивалась: достаточно вспомнить трудности с публикацией в ПНР произведений таких поэтов, как Владислав Шленгель (уцелевший в варшавском гетто сборник его стихотворений «Что я читал умершим» издан стараниями Ирены Мацеевской), или больше десяти лет ожидающей выхода в свет антологии еврейской поэзии, составленной Саломоном Ластиком и Арнольдом Слуцким. Не переиздана ставшая букинистической редкостью антология стихов, посвященных Катастрофе «Песнь сохранится», составленной Михалом Борвичем и вышедшей небольшим тиражом в 1947 году. Так что на самом деле польско-еврейская литература еще ждет серьезной работы: многие авторы, тоже писавшие по-польски, но не публиковавшиеся в главных периодических изданиях межвоенного периода, остаются неизвестными. Неизвестна и Мелания Фогельбаум, которой посвятил статью Лешек Жулинский в гданьском ежеквартальном журнале «Миготаня, пшеяснения» («Мигания, проблески», 2006, №2). Статья называется «Еще одна рана. Памяти Мелании Фогельбаум». Автор пишет на основе собранных им сведений о неизвестной поэтессе:

«От Катастрофы прошло шесть десятков лет. Но в мрачном „списке polegших” продолжают появляться новые имена. История, словно на археологических раскопках, обнаруживает для нас новые жертвы. Такие „раскопки” стояли за телефонным звонком пани Ядвиги Мостович. Разумеется, я заинтересовался сборником и уже через несколько дней держал в руках „Тетрадь

из гетто в Лодзи” Мелании Фогельбаум, поэтессы, которая осталась жить в памяти горстки своих друзей. Кем была она?

Родилась Мелания 5 июня 1911 года. Была одарена не талантом, а многими художественными талантами: занималась живописью, скульптурой, писала стихи и эссе. Знала историю искусства. В Litzmannstadt Ghetto (лодзинское гетто) она попала вместе с семьей, как и большинство лодзинских евреев. (...)

Меля была туберкулезница. Состояние здоровья ухудшалось. Во время ликвидации гетто ее вывезли — на носилках — в Аушвиц-Биркенау, где она погибла в газовой камере в день приезда — 1 августа 1944-го. Ей было 33 года. Через некоторое время Нахман Зонабенд нашел на территории гетто две тетрадки со стихами Мели (...).

Все, что осталось от Мелании Фогельбаум, друзья передали в депозит в вашингтонский Национальный музей Катастрофы. Мне известно, что кроме текстов, опубликованных в „Тетради”, есть еще горстка ненапечатанных. Стихи Мели (по-польски — вероятно, только по-польски она их и писала) поражают: их форма, лексика, тональность отходят от традиционного „канона” еврейской поэзии (...). Меля была талантливой и оригинальной поэтессой. Если бы ей дано было выжить и писать многие годы, ее творчество могло бы стать особым звеном современной поэзии».

Вспоминается, что во время войны один из самых одаренных, еще совсем юных поэтов, которым вскоре предстояло погибнуть, написал о межвоенной поэзии, что она на три четверти была чужда «духу сей земли», — он имел в виду поэтов еврейского происхождения, таких как Лесьмян, Лехонь, Вежинский, Слонимский, Тувим. Да вот только их поэзия оказалась для польских традиций необычайно важной. Можно ли ее назвать польско-еврейской или еврейско-польской литературой? На так поставленный вопрос я не нахожу разумного ответа. И боюсь, что в такой формулировке этот вопрос становится опасным как для поляков, так и для евреев. Разумеется, «национальность» литературы обычно определяется языком: творчество Джозефа Конрада, хоть он и был поляком, принадлежит английской литературе. Но это не так просто: не все, что написано по-английски, — английская литература.

Конкурс "НП" – Рецензия и полемика

написать в редакцию

“Рецензия и полемика” – конкурс “Новой Польши”

Ждём текстов активных Читателей бумажного и электронного изданий журнала. Создавайте “НП” вместе с нами!

Вас взбудоражило мнение автора “НП”? Или же вы хотите поддержать тезис публициста? Вы считаете новый номер ежемесячника скучным – или, может быть, увлекательным и ценным?

Поделитесь своей точкой зрения с редакцией сайта и с другими читателями. Присылайте свои рецензии (на статью из бумажной “НП”, на текст из электронной версии, на номер журнала), комментарии и полемики (со статьёй или с группой статей).

Ваших текстов ждём **до конца каждого чётного месяца**, начиная с августа 2006 года. Итоги конкурса будут объявляться до середины месяца, наступающего после срока присылки текстов.

Самые интересные тексты будут публиковаться на нашем сайте, а лучшие из лучших – также в бумажных изданиях. Лауреаты конкурса получают награду в виде **бесплатной годичной подписки на “Новую Польшу”**.

написать в редакцию